

О. И. Киянская

«ЛЮДИ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ»

Декабрист Сергей
Муравьев-Апостол
и его эпоха

Оксана Киянская

**«Люди двадцатых годов».
Декабрист Сергей Муравьев-
Апостол и его эпоха**

«Неолит»

2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

Киянская О. И.

«Люди двадцатых годов». Декабрист Сергей Муравьев-Апостол и его эпоха / О. И. Киянская — «Неолит», 2025

ISBN 978-5-6052834-2-3

Главный герой исследования — декабрист Сергей Муравьев-Апостол. Однако книга не только о нем. Его биография рассматривается на широком фоне истории и культуры России конца XVIII — начала XIX вв. В центре внимания автора, профессора РГГУ О. И. Киянской, идеи, планы и личная жизнь «людей двадцатых годов» — декабристов и их современников. Книга адресована как специалистам, так и всем, кто интересуется историей России и Европы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-6052834-2-3

© Киянская О. И., 2025
© Неолит, 2025

Содержание

Предисловие	6
I	6
II	10
III	12
Часть I	14
Глава 1. «Имея любовь к Отечеству...»	14
I	14
II	15
III	18
Глава 2. «Либеральствующий аристократ»: Иван Муравьев-Апостол	21
I	21
II	22
III	24
IV	30
V	31
VI	36
VII	37
VIII	39
IX	39
X	43
XI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

О. И. Киянская
«Люди двадцатых годов»
Декабрист Сергей Муравьев-
Апостол и его эпоха

К 200-летию восстания декабристов

*«...в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года
перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей
походкой. Время вдруг переломилось...»*

Ю. Н. Тынянов. «Смерть Вазир-Мухтара»

© Киянская О. И., 2025

© Издательский дом «Неолит», 2025

Предисловие

«Как могли вы решиться на сие предприятие?»

I

В начале 1826 г. молодому императору Николаю I пришлось – еще раз после 14 декабря 1825 г. – пережить тревогу за собственный престол: на юге, под Киевом, началось и вскоре было подавлено восстание Черниговского полка. Руководил восстанием подполковник Сергей Муравьев-Апостол. Столичную печать заполнили официальные сообщения об этом происшествии; в них Муравьева-Апостола именовали «одним из главных злоумышленников, стремящихся к общему беспокойствию и разрушению благосостояния государства». Правительственная пресса утверждала, что целями подполковника были «безначалие, грабежи и кровопролития», а средством к достижению целей – «убийство». В газетах можно было прочесть и о том, что сообщниками мятежного подполковника были его братья: при подавлении мятежа был захвачен «брат Муравьева-Апостола, отставной подполковник», а другой брат, «свиты Вашего императорского величества по квартирмейстерской части прапорщик», был убит [Готовцева 2007, с. 170, 173].

История трех братьев Муравьевых-Апостолов: Матвея (25.04.1793 – 21.02.1886), Сергея (23.10.1795 – 13.07.1826) и Ипполита (07.08.1805 – 03.01.1826) – после подавления восстания стала известна каждому образованному жителю России. У современников и исследователей особую популярность приобрел Сергей – один из декабристских лидеров, впоследствии казненный. Его уважали и ему сочувствовали почти все: от заговорщиков до императора.

О Сергее Муравьеве-Апостоле написаны десятки статей, несколько монографий – и, в частности, «Сергей Иванович Муравьев-Апостол» Л. А. Медведской и «Апостол Сергей» Н. Я. Эйдельмана [Медведская 1970; Эйдельман 1975]. Но, несмотря на кажущуюся изученность биографии, Сергей Муравьев-Апостол, по словам Эйдельмана, «вообще не легко открывается современникам и потомкам» [Эйдельман 1975, с. 98].

Товарищи по тайному обществу считали руководителя восстания черниговцев «другом человечества», обладавшим «высокой и благородной душой» и «благородным характером»; при этом, по их мнению, он был «чужд всякой жестокости». Декабристы называли Сергея Муравьева-Апостола «знаменитым сотрудником, приговоренным умереть на эшафоте за его политические мнения». По их свидетельствам, «для отечества» он «готов был жертвовать всем», «не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью» [Андре́евич 1926, с. 387; Лунин 1988, с. 27; Горбачевский 1963, с. 37, 92; Розен 1984, с. 179]. Редкие отрицательные характеристики давались, как правило, в жестких условиях следствия.

Консервативный журналист Николай Греч уважал подполковника за то, что тот «действовал решительно», «по внутренним убеждениям и остался им верен до конца» [Греч 1886, с. 379]. Знаменитый отзыв о Сергее Муравьеве-Апостоле принадлежит Льву Толстому, считавшему декабриста «одним из лучших людей того, да и всякого времени» [Толстой 1964, с. 449]. Историки называли его «Орфеем среди декабристов», вся жизнь которого «была похожа на песню», и писали о «тайне обаятельного действия» личности подполковника на людей [Чулков 1925, с. 75; Шугуров 1902, с. 284].

Естественно, перед тем, кто берется изучать биографию Сергея Муравьева-Апостола, встает вопрос о причинах всеобщей любви к мятежнику, чьи действия, согласно официальной версии произошедшего, были достойны лишь осуждения добропорядочных граждан.

Военная карьера декабриста – за исключением Семеновской истории, солдатских волнений октября 1820 г., вызванных жестокостью полкового командира полковника Федора Шварца, – складывалась так же, как и у сотен офицеров Александровской эпохи. Как и большинство его современников, молодых офицеров, прошедших войну, он был либералом – но далеко не все либералы стали декабристами. Начало XIX в. было книжными временем, молодые дворяне много читали. Но какие именно книги читал Муравьев-Апостол, как они повлияли на формирование его мировоззрения – неясно.

Сергей Муравьев-Апостол был одним из основателей Союза спасения, традиционно считающегося первой декабристской тайной организацией, состоял и в Союзе благоденствия. Однако те, кто знал его во времена первых союзов, согласно отмечали его мирный нрав и нежелание спорить. Радикализации взглядов Муравьева-Апостола безусловно способствовала «история» в Семеновском полку, вследствие которой он был наказан без вины, выслан из гвардии в армию и попал под подозрение в политической неблагонадежности. Такова была судьба большинства офицеров-семеновцев – но лишь он один впоследствии решился возглавить восстание.

Известно, что ближайшим другом Сергея Муравьева был Михаил Бестужев-Рюмин, тоже бывший семеновец, переведенный в армию, в 1820-х годах прапорщик, а затем подпоручик Полтавского пехотного полка. Бестужев-Рюмин разделял революционные идеи друга, вместе с Муравьевым участвовал в восстании, в июле 1826 г. вместе с ним погиб на виселице. Но об обстоятельствах, при которых возникла эта дружба, историкам мало что известно.

Черниговский полк восстал под Киевом, в глухой провинции, и восстал в тот момент, когда главное восстание на Сенатской площади было уже разгромлено, а армия – и в том числе Черниговский полк – присягнула новому императору Николаю I. На поддержку столичных заговорщиков рассчитывать не приходилось: в Петербурге все уже было кончено, и Сергей Муравьев-Апостол об этом знал.

В связи с южным восстанием у современников возник резонный вопрос: на что рассчитывал подполковник, поднимая мятеж в полку? Первым вопрос этот арестованному мятежнику задал генерал Карл Толь, начальник армейского штаба, через несколько дней после поражения черниговцев. Толь интересовался у Муравьева-Апостола: «Как вы могли предпринять возмущение с горстью людей? вы, которые по молодости вашей в службе не имели никакой военной славы, которая могла бы дать вес в глазах подчиненных ваших: как могли вы решиться на сие предприятие?». Толь был разочарован, когда пленник не дал ему удовлетворительного ответа [Муравьев-Апостол 1927, с. 239–240].

Тот же вопрос, только иначе сформулированный, задал мятежнику император Николай I. Согласно императорским мемуарам, он спросил у заговорщика: «Объясните мне, Муравьев, как вы, человек умный, образованный, могли хоть одну секунду до того забыть, чтоб считать ваше намерение сбыточным, а не тем, что есть – преступным злодейским сумасбродством?» [Междоусобица 1926, с. 33]. Но и император не добился от Муравьева-Апостола ответа.

Судьба Сергея Муравьева-Апостола неотделима от судеб его братьев, Матвея и Ипполита. Старший из братьев, Матвей, особого энтузиазма у современников не вызывал. Современники утверждали, что Матвей не имел «ни твердости в характере, ни желания жертвовать всем для достижения цели», а в заговоре участвовал только «из братской любви». После восстания же, «увидев всю важность своего преступления», он «впал в отчаяние и искренно раскался» [Горбачевский 1963, с. 91; Греч 1886, с. 381; Междоусобица 1926, с. 34].

Пишу для такого рода рассуждений современники, не знавшие Матвея близко, почерпнули, прежде всего, в открытой печати. Опубликованное по итогам следствия «Донесение следственной комиссии» констатировало: в 1824 г. Матвей отказался от радикальных взглядов, изъяснял «благоразумие» и старался «удержать брата от всяких покушений», доказывая ему

«если не беззаконность, то по крайней мере безрассудность предприятия и невозможность успеха». По мнению следствия, Матвей не решился окончательно порвать с заговором лишь из «тщеславия» и боязни «признаваться в перемене образа мыслей» [Донесение Следственной комиссии 1980, с. 39–40].

Кроме того, современникам, по-видимому, было известно содержание письма Сергея Муравьева-Апостола к отцу из крепости. В письме он утверждал, что «брат Матвей» последовал за ним «в деле, которому не сочувствовал», и что поведение Матвея «было только делом дружественной преданности» [Муравьев-Апостол 1887, с. 50].

Естественно, эти свидетельства нуждаются в серьезной проверке. Не поверил им, например, публицист-эмигрант Александр Герцен. Для него Матвей Муравьев-Апостол, подобно Сергею, – «сильная личность», известная «твердостью характера» [Герцен 1994, с. 175]. Однако представление о Матвее как о человеке слабом и случайном среди декабристов стало общим местом в исследованиях.

Так, С. Я. Штрайх считал Матвея представителем «среднего типа декабристов: богато одаренных по условиям рождения, среды и воспитания, но робких и очень скромных по личным качествам, лишенных революционного порыва, творчески-образовательных замыслов и бунтовщических дерзаний».

Штрайх был уверен: «Матвей Иванович был бледным, холодным спутником Сергея Ивановича: ни яркости, ни революционного жара своего брата он не воспринял, но роковым образом был втянут в круг его действий». Характеризуя следственное дело Матвея, Штрайх отмечает, что по его показаниям «можно было бы написать целую историю заговора, конечно, историю бледную, как неяркое было и сам их автор». В мемуарных же и эпистолярных текстах Матвея «виден робкий, скромный, испуганный, но честный представитель обширной, знатной, богато одаренной и славной в русской истории семьи Муравьевых» [Штрайх 1922, с. 3, 4, 5, 10].

В исторической литературе можно встретить характеристику Матвея как человека «скуповатого», «раздражительно-холодного» и «немножко эгоиста», не обладавшего «сердечным тактом и тонкостью» даже в общении с близкими [Энгельгардт 1926, с. 109].

О том, что такого рода характеристики неверны, еще в конце 1960-х годов писала Н. А. Рабкина. Она утверждала: «то малое», что известно о Матвее Муравьеве-Апостоле, было «обидно искажено», а оценка его личности и дел, сложившаяся в исторических сочинениях, нуждается в пересмотре. Но, несмотря на эти заявления, она считала Матвея весьма умеренным «представителем Северного тайного общества», стремившегося «остановить пылких, решительных, крайних “южан”» [Рабкина 1967, с. 123, 126]. Рассуждения о взглядах Матвея исследовательница строила прежде всего на основании его переписки 1860-х годов.

Л. А. Медведская подчеркивала «дворянскую ограниченность» Матвея, его «страх перед массовыми выступлениями» [Медведская 1970, с. 108]. Даже в современной исторической литературе можно прочесть о том, что старший брат «придерживался умеренных позиций и далеко не всегда был последовательным сторонником идей тайного общества» [Бойчук 2007, с. 564]. В 2015 г. вышла книга Г. А. Лумпановой «Декабрист Матвей Муравьев-Апостол». Автор считает, что «истина», связанная со взглядами Матвея, «лежит где-то посередине» [Лумпанова 2015, с. 488]. Книга эта написана вне научного дискурса: она содержит вольный некритический пересказ источников, показания и мемуарные свидетельства зачастую представлены как диалоги исторических персонажей.

Взгляды Матвея Муравьева-Апостола, его взаимоотношения с братом, с другими главными деятелями российских тайных обществ, конечно, нуждаются в серьезном уточнении.

О третьем, младшем брате Сергея Муравьева-Апостола, Ипполите, современники мало что знали: он рано погиб и не успел обзавестись литературными, светскими и конспиративными знакомствами. Наиболее полный рассказ об Ипполите сводится к тому, как юный офицер-квартирмейстер присоединился к восставшим черниговцам во время «сбора полка на

площадь» города Василькова, при этом «с восторгом» бросился «в объятия С. Муравьева» и поклялся в случае неудачи «пасть мертвым на роковом месте». Он обменялся пистолетами с одним из участников восстания, поручиком Анастасием Кузьминым, тоже поклявшимся, что его «живого не возьмут». Впоследствии оба офицера «исполнили клятву», застрелившись при разгроме восставших [Горбачевский 1963, с. 70, 71, 72, 86].

Специальных работ, посвященных Ипполиту Муравьеву-Апостолу, не существует. Естественно, необходимо описать не только его биографию, но и степень вовлеченности в заговор, причины, по которым он, как и старшие братья, оказался участником восстания.

II

Мысли и дела братьев Муравьевых-Апостолов отразились в большом количестве документов. Прежде всего, это многочисленные письма – как написанные самими братьями, так и те, в которых братья упоминаются. Переписка членов семьи Муравьевых-Апостолов обширна и отчасти опубликована. Существует и неопубликованная ее часть – в основном хранящаяся в ГА РФ. Однако ни в одном архивном деле нет столь большого количества писем Сергея Муравьева-Апостола, как в сохранившемся в том же ГА РФ деле «По просьбе коллежского регистратора [Дмитрия] Либенау о дозволении ему представить Государю императору бумаги, заключающие в себе важные государственные тайны» [ГА РФ. Ф. 109. Оп. 18. 1-я эксп. 1843 г. Д. 185]. В настоящее время письма эти тоже опубликованы [«Ваш покорный сын» 2022].

У этих писем своя история. В январе 1826 г., после подавления южного восстания, генерал-губернатор Малороссии князь Николай Репнин послал адъютанта в Хомулец, имение отца декабристов, где долгое время жил Матвей. Отца, Ивана Матвеевича, в этот момент в Хомульце не было: назначенный сенатором, он жил в столице. Адъютант привез генералу «бумаги, найденные в комнате Матвея Муравьева-Апостола, в коих находится как его собственная переписка, так и брата его Сергея». Репнин «представил» эту переписку императору. Впоследствии часть писем вернули сестре Сергея и Матвея, Екатерине Бибиковой, но «по смерти ее» письма «были сожжены» [Секретные донесения 2008, с. 474; Муравьев-Апостол 1922, с. 27]. Впрочем, Следственная комиссия сделала из них небольшие выписки [ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 470. Л. 3–9].

Скорее всего, задачу обыскивать кабинет отца-сенатора и изымать его личную переписку Репнин перед своим адъютантом не ставил, и переписка эта осталась в имении. В мае 1826 г. сенатор уехал за границу и вернулся на родину почти два десятилетия спустя. В Хомульце остался управляющий – Иван Федорович Либенау, отец будущего доносчика. Иван Либенау – архивист: в 1812 г. он был одним из чиновников Министерства иностранных дел, спасших от французов большую часть министерского архива [Белокуров 1912, с. 26–28 и др.]. После войны Иван Либенау занимал должность главного смотрителя комиссии печатания государственных грамот и договоров, уйдя с государственной службы, стал управляющим в Хомульце, где и умер в 1842 г.

Его сын, Дмитрий Иванович Либенау, родился в 1819 г., учился дома и в московских частных пансионах, служил, занимая мелкие канцелярские должности, а в 1841 г., незадолго до смерти отца, стал помощником управляющего в Хомульце – и потому «заполучил» доступ к бумагам хозяина имения. «Замечательным случаем» в его жизни было «состояние под уголовным судом». Вместе с матерью он был «обвиняем в растратах денег по управлению [имением] сенатора Муравьева-Апостола и в клевете, возведенной на некоторых служащих»: по итогам следствия Либенау заплатил крупный штраф [ГА РФ. Ф. 109. Оп. 89. 2-я эксп. 1859 г. Д. 35. Л. 83].

По-видимому, растрата сподвигла стремившегося избежать ответственности коллежского регистратора отослать попавшие в его руки письма в III Отделение собственной Его императорского величества канцелярии. Отсылая бумаги, в августе 1843 г. Либенау утверждал: у него «находятся в руках письма казенного за бунт 14 декабря Сергея Муравьева-Апостола», а в них содержатся «государственные тайны, сокрываемые до настоящего времени от правительства». Содержание бумаг, по его мнению, свидетельствовало о том, что «явное злоумышление на жизнь монарха и благоденствие отчизны не совершенно искоренено» и может «вспыхнуть вновь». Либенау сообщал, что другие такого же рода бумаги находятся в Хомульце «при доме в кладовой». Он просил передать документы лично императору [ГА РФ. Ф. 109. Оп. 18. 1-я эксп. 1843 г. Д. 185. Л. 2].

В сентябре бумаги попали в руки начальника III Отделения графа Александра Бенкендорфа. Бенкендорф велел отвечать, что бумаги он рассмотрит сам. Если в них «окажется что-либо, заслуживающие внимания правительства, то по оным сделано будет должное распоряжение, в противном случае просьба г. Либенау о личном представлении бумаг государю императору будет оставлена без уважения» [ГА РФ. Ф. 109. Оп. 18. 1-я эксп. 1843 г. Д. 185. Л. 3 об]. В итоге ничего опасного для «правительства» и монарха в письмах не обнаружили – и они осели в делах ведомства.

После первого доноса Дмитрий Либенау стал буквально одержим страстью к доносительству: в делах III Отделения хранятся его доносы, не связанные с декабристами и написанные, по его словам, потому что он считал себя «верным слугой» императору и России [ГА РФ. Ф. 109. Оп. 89. 2-я эксп. 1859 г. Д. 35. Л. 74]. Бывший помощник хомуецкого управляющего, живший в своем имении в Инсарском уезде Пензенской губернии, писал их в разные инстанции, в том числе и лично императору Александру II. Доносы эти всерьез не принимались, что только раздражало Либенау. На почве доносительства, сопровождающегося постоянным пьянством, коллежский регистратор заболел психически: утверждал, что он был конфиденнтом императора Николая I, генерал-адъютантом, генералом от кавалерии, командиром корпуса жандармов. В 1859 г. он был арестован и помещен в больницу [ГА РФ. Ф. 109. Оп. 89. 2-я эксп. 1859 г. Д. 35. Л. 74об., 83–84].

Из больницы Либенау вышел. Последнее, что удалось обнаружить в связи с его биографией, – «Письмо в редакцию» газеты «Пензенские губернские ведомости» (1860 г., № 22) «помещика Инсарского уезда Дмитрия Ивановича Либенау с выражением желания сообщать любителям садоводства сведения о всех новостях по этой отрасли хозяйства» [Васильев 1889, с. 133, 231].

III

Для настоящего исследования очень важными оказались письма Матвея Муравьева-Апостола к Ивану Якушкину, его сослуживцу по Семеновскому полку; вместе они прошли войну и Заграничные походы.

Иван Якушкин – один из основателей Союза спасения, известный прежде всего тем, что в 1817 г. вызвался убить императора Александра I. Покушение, как известно, не состоялось, и в 1818 г. Якушкин вышел в отставку с чином капитана. Он был членом Союза благоденствия, участвовал в совещании членов тайного общества в Москве, так называемом Московском съезде 1821 г., принявшем решение о роспуске организации. В 1822 г. Якушкин женился и отошел от заговора. Но в 1826 г. – за вызов на цареубийство – был приговорен к вечной каторге.

Матвей Муравьев-Апостол в 1810-х годах был дружен с Якушкиным, но после его женитьбы и отъезда в деревню потерял с ним связь. Отношения возобновились в январе 1824 г.: Матвей писал Якушкину пространные письма, и переписка эта не ограничилась 1820-ми годами [ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 82]. Но для настоящей работы важны именно те письма, которые были написаны до трагических событий декабря 1825 – января 1826 гг.; они прекрасный материал для анализа сложной внутренней жизни старшего Муравьева-Апостола. Одно из этих писем опубликовал в 1922 г. С. Я. Штрайх [Муравьев-Апостол 1922, с. 83–86].

И «бумаги Либенау», и «бумаги Якушкина», и другие опубликованные и неопубликованные письма сенатора и его сыновей характеризуют повседневную жизнь семьи Муравьевых-Апостолов, но только отчасти – историю тайных обществ.

Источники же, анализируя которые можно сделать вывод о конспиративной деятельности Матвея, Сергея и Ипполита, хорошо известны. Таковы, прежде всего, показания декабристов на следствии, а также интенсивная правительственная переписка по поводу восстания Черниговского полка. Кроме того, это письма и воспоминания современников, как декабристов, так и тех, кто в тайных обществах не состоял.

Из этого большого массива документов следует очевидный вывод: и Матвей, и Сергей, и Ипполит принадлежали к одному поколению – поколению «людей двадцатых годов». К тому поколению, которое, по меткому выражению Ю. Н. Тынянова, перестало существовать в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года.

«Люди двадцатых годов» – это поколение молодых дворян, вызванное к жизни Отечественной войной и не знавшее взрослой довоенной жизни. Их активное участие в общественной деятельности пришлось на поздний период Александровского царствования. Отличительной чертой этого поколения было романтическое мировосприятие. «Я, – показывал Матвей Муравьев-Апостол на следствии, – всегда любил свое отечество от всей души моей, от всего сердца и от всей крепости моей» [О совещании 2001, с. 29]. «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь, ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма», – вспоминал Матвей на склоне лет [Якушкин 1886, с. 159].

Однако любовью к отечеству, жертвенностью и чуждостью «эгоизму» характеристика поколения не исчерпывается. «Людям двадцатых годов» приходилось выбирать, «что лучше – быть свободным вместе со всеми или быть привилегированным рабом при неограниченной и бесконтрольной власти?» Этот выбор был тем тяжелее, что люди жили в социуме, служили, делали карьеры, любили, ссорились, мирились, их романтическое настроение сталкивалось с суровым прагматизмом повседневной жизни. Однако те, кто не пожелал быть «привилегированным рабом» и пошел в своих убеждениях до конца, были уверены: «Истинное благородство

– это свобода; его получают только вместе с равенством – равенством благородства, а не низости, равенством, облагораживающим всех» [Тургенев 2001, с. 385].

Декабристы в истории России – это не только тайные общества, «Русская Правда» Павла Пестеля и Конституция Никиты Муравьева, не только планы революционного похода, восстание на Сенатской площади и мятеж Черниговского полка. Декабристы – это человеческий феномен, без осознания которого трудно понять эпоху. История жизни Сергея Муравьева-Апостола и его братьев – безусловно, составная часть этого феномена.

Часть I «Муравейник»

Глава 1. «Имея любовь к Отечеству...»

I

Известная с XV в. семья Муравьевых была разветвленной, дружной, «богато одаренной и славной в русской истории» [Штрайх 1922, с. 10]. В. Н. Топоров утверждал: «Род Муравьевых и Муравьевых-Апостолов – мощная опора, надежное убежище, хорошо действующая и взаимодействующая организация всех, кто в этот род входит – прежде всего по праву родства, но также и свойства... Род опекает, охраняет, не дает выпасть из него, попасть в беду тем, кто составляет его, род живет и сегодняшним днем, актуальной насущностью, но он живет и всей своей вековой историей» [Топоров 2007, с. 199]. Сами себя Муравьевы называли «муравейником» [Муравьев 1980, с. 296].

Представители семьи прославились прежде всего на военном поприще: Муравьевы участвовали в большинстве сражений XVII и XVIII вв. Согласно разысканиям генеалогов, «в одном только Новгородском осадном сидении 1606 года участвовали не менее девяти Муравьевых, из которых двое... погибли». Против разнообразных внешних и внутренних «злодеев» Муравьевы всегда стояли «крепко и мужественно», «неколебимо без всякия шатости» [Муравьев 1995, с. 142]. Среди представителей этого рода были окольные, уездные предводители дворянства, судьи, сенаторы. Муравьевы были в родстве с представителями многих дворянских родов России: с Пушиными, Пушкиными, Долгоруковыми, Луниными, Батюшковыми, Мордвиновыми – и не только с ними.

Во времена Петра I и нескольких последующих правителей и правительниц России жил прадед братьев Муравьевых-Апостолов, Артамон Захарьевич Муравьев. Артамон Муравьев был офицером, служил в Кронштадте, в полку тестя Петра Островского; полк занимался строительством и обороной Кронштадтской крепости. Артамон умер в 1745 г.; от него пошла та ветвь рода, которая в генеалогии получила название «Артамоновичей». Креативностью в выборе имен для своих сыновей Артамон не отличался: кроме Никиты и Федора в семье было два Матвея. Матвеи Артамоновичи пошли по стопам отца: сыновей они называли Иванами. Когда же сыновья обоих Иванов Матвеевичей получили имя «Матвей» – это стало уже традицией.

Носивших одинаковые имена и отчества «Артамоновичей» подчас трудно различить. Так, Михаил Никитич Муравьев, внук Артамона, будущий писатель, сообщал отцу, что его двоюродный брат Иван Матвеевич «сказывается больным и не живет в лагере», а «дядюшка» дал ему «для перевозу к Ивану Матвеевичу ассигнациями 200 руб.» [Муравьев 1980, с. 264]. В данном случае речь идет о разных лицах – но установить, кто конкретно имеется в виду, можно только по контексту. Михаил Муравьев подтрунивал в письмах над семейной традицией: «Вчера и третьего дни обедали мы с Иваном Матвеевичем у Ивана Матвеевича на Васильевском [острове] славном» [Муравьев 1980, с. 269].

Впрочем, трудности с различением тезок-родственников заканчиваются на двух Матвеех Ивановичах. Один из них, старший, стал мореплавателем, участником кругосветных экспедиций, а в 1820–1825 гг. был главным правителем Русской Америки – российских владений на

североамериканском континенте. С троюродным братом, декабристом Матвеем, он, вероятно, общался мало.

И мореплаватель Матвей, и его тезка-декабрист, и родные братья последнего, декабристы Сергей и Ипполит, принадлежали к одиннадцатому колену рода Муравьевых. Из этого же колена, из ветви «Артамоновичей», вышли их троюродные братья, тоже ставшие декабристами: Никита Михайлович, Александр Михайлович, Артамон Захарович, получивший имя в честь прадеда, и Михаил Лунин, «Артамонович» по материнской линии. К другой ветви, «Феоктистовичей», принадлежали основатель первого тайного декабристского союза Александр Николаевич Муравьев и его братья: Михаил, тоже участник ранних тайных организаций, впоследствии за борьбу с «крамолой» получивший клички «вешатель» и «людоед», Николай – друг юности Матвея Муравьева-Апостола, будущий наместник Кавказа, и Андрей – историк и религиозный писатель.

II

Дед декабристов Муравьевых-Апостолов, Матвей Артамонович Муравьев (старший), родился в 1711 г. и смутно помнил время, когда император Петр I, посещая Кронштадт, «всегда квартиру имел» у его деда по матери Петра Островского [Муравьев 1994, с. 8].

Окончивший службу генерал-майором, Матвей Артамонович оставил мемуары, из которых следует: он был резким, неуживчивым – и в то же время простодушным человеком. Повидимому, обладавший в молодости незаурядной физической силой, в ходе ссоры он мог вспылить, вступить в драку с обидчиком и бить противника «кулаками по щекам» до тех пор, пока сам не уставал от этого занятия [Муравьев 1995, с. 30].

Матвей Артамонович был талантлив; его математические способности проявились еще в детстве. Вместе со старшим братом Федором он сначала учился дома: братья обучались «грамоте и у пленников шведских по-немецки», затем мать отдала их учиться математике у «штурманского ученика». Учеба шла успешно: братья «выучили в три месяца» арифметику, геометрию и тригонометрию, «плоскую навигацию» и черчение планов. В Кронштадте братья посещали Штурманскую школу, а в 15 лет Матвей Артамонович изъявил желание учиться в Инженерной школе в столице, которую благополучно окончил за два месяца [Муравьев 1994, с. 8].

В службу 17-летний Матвей Муравьев вступил в 1728 г., в кратковременное правление юного Петра II. Расцвет же его военной и инженерной деятельности пришелся на времена императрицы Елизаветы Петровны [РГВИА. Ф. 489. Оп 1. Д. 7392. 1764 г. Л. 21об.].

Муравьев участвовал в русско-шведской войне 1741–1743 гг. и в Семилетней войне, занимался топографической съемкой и составлением карт, ремонтировал Петропавловскую крепость, развивал российское судоходство: строил шлюзы и устраивал пороги [Якушкина, Якушкин 1995].

К своей военной деятельности он относился с юмором. О неудачном для российской армии сражении при Цорндорфе, например, он рассказывал в мемуарах следующее: и русские, и прусские солдаты разбились «по кучкам, где два, и три или и десять человек и палили из пушек всякой, кому куда вздумалось». Кроме того, «надев на себя белые полатенцы чрез плечо и перевязав так, как шарфы», солдаты «бегали повсюду мертвецки пьяны». Матвей Артамонович попытался поговорить с одной такого рода «артелью» из русских солдат. «Оне мне налили стакан и дали, бранив: “Пей, такая твоя мать”. Я ж им сказал: “Что вы, ребята, делаете? Видели ли вы, от неприятеля вся наша армия уже разсеяна?” То они сказали мне: “Будь ты нам командир, поведи нас”. И я, вынех свою шпагу, повел их в то место, где стоял при пушках неприятель, говоря: “Пойдем и отоймем у них пушки”. Оне, послушав меня, пошли, а и я яко пред-

водитель поехал вперед против своего фронта. Вдруг же оглянулся назад, уже и никого нет. Благодарил тогда я Бога, что избавился от таких пьяных» [Муравьев 1994, с. 45].

Через 31 год после начала службы, в 1759 г., Муравьев стал бригадиром, еще несколько лет спустя – генерал-майором [Муравьев 1994, с. 47; РГВИА. Ф. 489. Оп 1. Д. 7392. 1764 г. Л. 21 об].

Матвей Артамонович рос в чинах медленно: был правдолюбом, не брал взяток и везде старался искоренять лихоимство. Когда на одном из мест его службы ему попытались «принести... империалы, червонцы и рубли», он приказал выпороть взяточдателей, «дабы оне бросили свою привычку» [Муравьев 1995, с. 57–58]. С начальством он тоже не ладил: в 1753 г. его выслал из Петербурга управлявший всей армейской инженерной частью инженер-генерал Абрам Ганнибал. По мнению Муравьева, виною всему были клеветнические измышления врагов и «азиатская кровь» Ганнибала [Муравьев 1994, с. 38].

Попытки борьбы с коррупцией и нелады с начальством приводили к тому, что Муравьев постоянно был «гоним» «за правду и ревность». Матвей Артамонович объяснял в мемуарах, что, ставя преграды разного рода мздоимцам, видел себя «искоренителем всяких неправд», движимым «любовью к отечеству». Правда, мнение сановников о его «разоблачительной» деятельности было другим: «Собака де лежит на сене, сама не ест и никому не дает» [Муравьев 1994, с. 46, 48].

В Боровичском уезде Новгородской губернии у Муравьева было имение – усадьба Устье, располагавшаяся «на левом берегу реки Мсты и речки Крупы и на правом ручья Безымянного, и по обе стороны большой дороги, лежащей из города Боровичи в город Валдай» [Игнатьев 2017, с. 29].

Имение образовалось вокруг хутора, который Матвей Артамонович в мемуарах иронически именовал «Гоф-Аратчиной» и «Версалией». На самом деле местность эта называлась, по-видимому, Радчино; одно из «народных» ее названий – Муравьево. Поначалу это было «пустое место», которое Матвей Артамонович принял в наследство, «уступя... все жилое» своим братьям. Но вскорости там был построен дом «в четыре каморы» «за шездесят рублей», куплены соседние земли и, по-видимому, крепостные крестьяне [Муравьев 1994, с. 36, 57]. В конце XVIII в. Устье состояло из семи дворов, в которых проживало 25 крестьян обоего пола. Под усадьбу была занята одна десятина, под пашню – 95, под покосы – 6 десятин. Еще 11 десятин числились как «неудобные» для сельскохозяйственных нужд места. Земля в усадьбе была плохо пригодной для земледелия, хлеб родился «средственно» [Игнатьев 2017, с. 30].

Рассуждая о своем взрослении, Матвей Артамонович рассказывал, как родственник привел его, совсем еще юношу, в «непотребный» дом, где напоил «мало-помалу пьяна». О том, что случилось потом, Матвей Артамонович помнил всю жизнь: «Вышли ласкательницы, стали тут же делать кампанию. Я ж, как узнал падение Адамово, бежал оттуда... плача и рыдая, драл свои волосы, шпагу бил, что в побеге моем мешала. Кто сие происшествие видел, думали обо мне, что я взбесился. Согрешил я тогда и преступил заповеди Божия» [Муравьев 1994, с. 12–13].

Но когда Матвей Артамонович стал взрослым, впечатления от такого рода «преступлений» у него явно притупились. В 1753 г. он едва не подрался на дуэли из-за «госпожи Катеринки», француженки, жены капитана, в чьей любви «искали щастия» несколько молодых офицеров [Муравьев 1994, с. 38]. А племянник Михаил Никитич в 1777 г. в письмах к отцу рассказывал, что «дядюшка Матвей Артамонович» «снаряжает свою Марью Гавриловну» замуж за «гарнизонного майора Рябова». Марья Гавриловна, ехидно замечал Михаил Никитич, «выходит замуж под титулом племянницы» [Муравьев 1980, с. 322, 323, 336].

Исследователи, и в том числе В. Н. Топоров, справедливо считают Марью Гавриловну побочной дочерью Матвея Артамоновича [Топоров 2007, с. 322].

В 1762 г. Муравьев женился на Елене Петровне Апостол, внучке последнего избранного украинского гетмана Даниила Апостола. В брак он вступил по расчету: в мемуарах честно рас-

сказал о том, что «никогда не хотел женитца, а старался... свою братию сколько-нибудь поднять», но в разгар очередной борьбы с коррупционерами друзья «присоветовали» ему пойти на этот шаг. Не все родственники были довольны выбором Матвея Артамоновича: гетман и его потомство не принадлежали к русской знати, а следовательно, невеста была не ровня Муравьевым. Старший брат Федор, например, «попрекнул» его, «зачем женился на шинкарке». За Еленой приданого Матвей Артамонович не получил, «кроме платья на ее и серебра для убору ее ж». Невеста сама отказалась от приданого, посчитав, что оно нужнее младшей сестре. Жили супруги Муравьевы более чем скромно [Муравьев 1994, с. 36, 49, 50, 57].

Матвей Артамонович не прогадал: его жена оказалась «точно такого нраву», как и он сам, заботясь о ближних больше, чем о себе самой. Кроме того, Елена, по его собственным словам, была «разумная», «добродетельная», «притом богобоязливая». Мужу она «преподавала» дружеские советы, умела удерживать его «от горячности». Когда же во время путешествия к отцу Елены, Петру Даниловичу Апостолу, супругам пришлось переправляться через вышедшие из берегов реки, Елена не отпускала Матвея Артамоновича от себя, говоря: «Вместе умрем». «Вместо приданого ее я любил», «подобной для меня сыскать было не можно, в гонение ж моих несчастий утешала меня», – писал Муравьев в мемуарах [Муравьев 1994, с. 55, 49–50].

Жена Муравьева, судя по его мемуарам, рожала четыре раза. Двое детей родились мертвыми, а третий, сын Дмитрий, умер во младенчестве. После смерти Дмитрия Елена Муравьева «непрестанно крушилась и была в отчаянии, думала, что уже более у ней детей не будет». Однако Матвею Артамоновичу было видение: «Увидел... множество святых, и притом принесли ко мне младенца, сказали, вот тебе наследник». И жена забеременела в четвертый раз.

В октябре 1767 г., согласно мемуарам, Елена Муравьева, «разрешась от бремени, скончалась». «Этот удар мне великой был, даже что я и тогда несколько почувствовал разбитием параличной болезни, а сын мой после ее остался трех недель», – писал в мемуарах Матвей Артамонович. Таковы были обстоятельства появления на свет Ивана Матвеевича Муравьева, будущего отца декабристов. Крестной младенца Ивана стала Марья Гавриловна, возможная побочная дочь Матвея Артамоновича [Муравьев 1994, с. 62, 63, 55].

Известно, что отец нанимал сыну домашних учителей, а затем определил его «к профессору Эльлеру для обучения языков и математики». В столичном пансионе знаменитого математика Леонарда Эйлера Иван «учился один с половиною год». Отец заботился о сыне: передавал ему деньги, карты и книги, навестил сына в Петербурге. Увидев Ивана, престарелый инженер «обрадовался, плакал со слезами, и, несколько пробыв, увидел невеликой успех в его продолжаемых науках» [Муравьев 1980, с. 315, 264; Муравьев 1994, с. 68].

Возраст, прогрессирующая болезнь, долги, ссора с родственниками умершей жены, «обиды» от сильных мира сего заставили Муравьева «думать, кому поручить сына своего».

Выбор пал на богатое и знатное семейство Нарышкиных: «пришел в память» после очередного приступа болезни, он вспомнил «о добродетели блаженной и вечностойной памяти о Алене Александровне Нарышкиной, которая от Бога великою ограничена добродетелию». С Еленой Нарышкиной, урожденной Апраксиной, Муравьев и его жена были хорошо знакомы: Нарышкина «весьма любила» жену Матвея Артамоновича, поддерживала Муравьевых в их бедствиях. В мемуарах Муравьев называл Нарышкину «матерью нашей» и рассказывал, как, прощаясь с нею, они с женой «до земли кланялись и со слезами ручки ея целовали, напротив чего и она сама не меньше материнскую жалость и любовь с проливанием слез оказывала» [Муравьев 1994, с. 56].

К моменту, когда Муравьев решал судьбу Ивана, Елена Нарышкина давно уже умерла. Матвей Артамонович надеялся, что ее сын, Лев Александрович, «не отречется з бедным сиротою милость показать». «Призвав Бога в помощь», Муравьев написал письмо «ея высокопревосходительству Марине Осиповне», урожденной Закревской, бывшей замужем за Львом

Нарышкиным. Нарышкин, двоюродный племянник Петра I, к тому времени был опытным придворным.

«Добродетельные» и хлебосольные Нарышкины не пренебрегли просьбой и ответили Муравьеву, «что де мы с радостию желаем на себя это принять, толко чтоб я подал к Ея императорскому величеству письмо просительное», чтобы Иван «имянным указом им поручен был». После того как соответствующие бумаги были оформлены, в 1777 г. Нарышкины стали официальными опекунами Ивана Муравьева. «Весма тем был доволен, благодарил Бога», – писал в мемуарах Муравьев-старший [Муравьев 1994, с. 68–69; Якушкина, Якушкин 1995, с. 48].

Точная дата смерти Матвея Артамоновича неизвестна. По предположению А. А. Игнатьева, научного сотрудника Музея истории г. Боровичи и Боровичского края, похоронен Муравьев был в трех верстах от собственного имения Устье, на церковном кладбище соседнего села Рышева [Игнатьев 2017, с. 30].

III

О деде декабристов Муравьевых-Апостолов по материнской линии известно мало. Семена Михайловича Черноевича исследователи традиционно считают сербом, в документах он значится как «дворянин венгерский», есть и мнение, что, «возможно, он был русином» [Соловьев 2015, с. 42–43].

Императрица Елизавета всячески мотивировала живших в Австрии единоверцев – и сербов, и представителей других народов – переходить в российское подданство и переезжать жить в Россию. В 1752 г. по ее указу была образована Новая Сербия: пустовавшая местность на территории Украины была отдана переселенцам. Из них предполагалось составить четыре полка; обязанностью же новых полков была оборона границы с Польшей и Турцией. Во время войны переселенцы должны были составлять «приличную команду против неприятеля в резерве по крепостям в укрепленных местах» [РГВИА. Ф. 349. Оп.1. Д. 234].

Руководил эти переселением полковник австрийской службы Иван Хорват; он же стал и главой Новой Сербии.

Хорват, быстро получивший в России генеральский чин, был одним из тех, с кем враждовал Матвей Артамонович Муравьев, комендант крепости Святой Елизаветы, своеобразной столицы Новой Сербии [РГВИА. Ф. 489. Оп 1. Д. 7392. 1764 г. Л. 21 об].

В мемуарах Матвей Артамонович писал, что «усмотрел... великие обманы и похищении интереса Ея императорского величества от господина Хорвата». Хорват обещал привести в Россию единоверцев, способных составить четыре полка, однако, по словам Матвея Артамоновича, «выводит из Малороссии из гайдамаков запорожских и из пастухов воложских мужиков старых таких, кои имели от семидесят и до девяноста лет, и ни одного не было такого, который бы годен был в службу Ея императорского величества». Деньги же, выдаваемые на обустройство переселенцев, Хорват попросту присваивал. Разоблаченный Муравьевым, Хорват предлагал ему крупную взятку и чин генерал-поручика – от которых честный комендант, естественно, отказался. Муравьев писал на Хорвата доносы в Сенат – но ничего, кроме неприятностей, за разоблачение мздоимца не получил и сам попал под следствие [Муравьев 1994, с. 47; РГВИА. Ф. 489. Оп 1. Д. 7392. 1764 г. Л. 21 об].

Следствие нашло, что жалобы Матвея Артамоновича были «весьма непорядочными и крайне предосудительными поступками». Но в царствование Екатерины II обвинения Муравьева подтвердились: в 1764 г. имущество Хорвата было конфисковано, он был лишен чинов и сослан в Вологду. Впрочем, через несколько лет Хорват был прощен, ему возвратили имения и чины [Костяшов 2012].

Но перешедшие из Австрии единоверцы среди обитателей Новой Сербии тоже были. Более того, среди тех, кто вместе с Хорватом в середине 1750-х годов выразил «крайнее жела-

ние по единоверию и всегдашней усердности не токмо быть в службе, но и вечно остатца в подданстве» русским царям, упоминался некий «подполковник Чернович» [Политические и культурные отношения 1984, с. 140]. Поскольку написание этой фамилии на русском языке варьировалось, вполне возможно, что это был как раз Семен Черноевич или кто-то из его родственников. С 1760 г. Черноевич числился в русской службе.

В 1766 г. бригадир Семен Черноевич был назначен командовать Брянским ландмилицким полком – созданной из жителей Брянска и окрестностей нерегулярной войсковой частью, земским ополчением [Соловьев 2015, с. 42–43]. Два года спустя он стал генерал-майором, участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., где сначала командовал бригадой.

1770 год – главный в его российской военной карьере.

В феврале этого года генерал отличился в бою за крепость Журжу, когда «с 200 егерей... соединился с легкими войсками майора Зорича, перешел Прут и в 3 верстах от Фальчи разбил в горах 4000 турок» [Хронологический указатель 1908, с. 95, 110; Прозоровский 2004, с. 207, 216, 333–338, 340]. Генерал-аншеф граф Петр Румянцев, руководивший боевыми действиями против турок, писал императрице Екатерине II, что «экспедиция генерал-майора Черн[о]евича» «привела в трепет» не только жителей Журжи, но и «обывателей в Измаиле и в других местах» [П. А. Румянцев 1953, с. 229].

В мае того же года Румянцев назначил Черноевича гражданским правителем занятого русскими войсками Молдавского княжества. Генерал боролся с эпидемией чумы, «старался» как мог «о приготовлении хлеба и сена». Задача эта была сложной: молдаване бежали в горы и леса и не желали заниматься «земледельством». При этом нельзя было следить только за гражданскими делами: шла война и следовало «распространить поиск и бдение... против неприятеля».

1 декабря 1770 г. Румянцев писал императрице, что «должен был генерала-майора Черноевича для его слабости здоровья отпустить отсюда в Россию». Молдаван это не обрадовало: местная знать выступила против нового назначенца [П. А. Румянцев 1953, с. 299, 364, 373, 406]. Но Черноевич действительно был болен: вскоре он и вовсе покинул службу с чином отставного генералпоручика.

Про генерала известно, что кроме своих детей он воспитал осиротевшего племянника Павла Степановича Рунича, отца известного впоследствии консерватора Дмитрия Рунича. Умер Семен Черноевич в 1772 г.

Жена Семена, Елизавета Аристарховна, принадлежала к старинному и разветвленному дворянскому роду Кашкиных. Она была дочерью Аристарха Петровича Кашкина, несколько десятилетий руководившего Царскосельской конторой, отвечавшей за состояние Царского Села – летней резиденции императоров. Дядей Елизаветы Аристарховны был Евгений Петрович Кашкин, дед декабриста Евгения Оболенского, занимавший при Екатерине II крупные государственные должности. Кашкины были близкими родственниками Прасковьи Александровны Осиповой, приятельницы Александра Пушкина, владелицы имения Тригорское. Самому Пушкину Кашкины тоже приходились родней.

Дочь Анну Елизавета Аристарховна родила незадолго до смерти мужа-генерала [Соловьев 2015, с. 42–43]. В исследованиях фигурирует и старший брат Анны, Александр Семенович, служивший в Конной гвардии. Согласно полковой истории, 1 января 1787 г. он, будучи вахмистром, получил первый офицерский чин – корнета, в 1795–1796 гг. был ротмистром, а затем «уволен в отставку с чином коллежского советника» [Анненков 1849, с. 102; РГВИА. Ф. 3543. Оп. 2. Д. 1720; Кашкин 1913, с. 241, 122]. После нападения Наполеона на Россию он служил в ополчении, в 1814 г. «находился все время под Данцигом», а после падения Наполеона попал в Гамбург, где общался с дальним родственником, Никитой Муравьевым [Муравьев 2000, с. 76–78]. О его дальнейшей биографии сведения обнаружить не удалось.

Муравьевы и Кашкины поддерживали тесные связи. Известный историк и генеалог Николай Кашкин писал в 1913 г., что декабрист Матвей Муравьев-Апостол «до конца дней имел родственные сношения с современными ему Кашкиными». Сам историк хорошо помнил встречу с пожилым декабристом, организованную его отцом. Матвей рассказывал десятилетнему родственнику «о Достоевском... и о графе Льве Толстом, которого Муравьев-Апостол, сам участник Бородинского боя, обвинял в неверном описании (в «Войне и мире») этого сражения и, главное, – значения в нем Кутузова» [Кашкин 1913, с. 122].

Глава 2. «Либеральствующий аристократ»: Иван Муравьев-Апостол

I

Отец троих декабристов, Иван Матвеевич Муравьев (с 1801 г. – Муравьев-Апостол), издавна интересовал и теперь интересуется исследователей [Кубасов 1902; Кубасов 1902а; Кубасов 1903; Кузьменко 1964; Бокова, Данилова 1999; Кошелев 2002; Трошина 2007; Охременко 2017; Оксамитная 2018 и др.]. И на то есть причины: екатерининский придворный, дипломат, сенатор эпохи Александра I, он прославился прежде всего как писатель.

И. А. Кубасов, один из первых исследователей его творчества, утверждал, что Иван Муравьев был «выдающимся человеком», «замечательным в истории русской культуры» [Кубасов 1902, с. 87–88]. Много написано о широте его «культурных интересов», о том, что он «обладал литературным вкусом, философским складом ума, являлся признанным критиком, оратором». Исследователи признают, что без «основательного изучения» его биографии невозможно «создание наиболее полной картины развития русской литературы» [Эйдельман 2001, с. 135; Трошина 2007, с. 3, 8].

Но, рассуждая о личности, карьере и литературной деятельности Ивана Муравьева, исследователи явно недооценивают первый период его жизни: смерть отца и опекунство Нарышкиных. Матвей Артамонович выбрал хороших опекунов: их близость ко двору позволяли Ивану Муравьеву рассчитывать на карьеру гораздо лучшую, чем та, которую ему мог обеспечить всеми гонимый инженер-правдолюб.

Екатерина II была невысокого мнения о Льве Нарышкине; она считала его «одной из самых странных личностей» в своем окружении, «врожденным арлекином», который – если бы не принадлежал к знатному роду – вполне «мог бы иметь кусок хлеба и много зарабатывать своим комическим талантом» [Екатерина II 1990, с. 345].

Согласно воспоминаниям журналиста Фаддея Булгарина, в доме сказочно богатого Нарышкина «ежедневно стол накрывался на пятьдесят и более особ. Являлись гости, из числа которых хозяин многих не знал по фамилии, и все принимаемы были с одинаковым радушием. Кто умел блеснуть остроумием или при случае высказывал свой ум и познания, тот пользовался особой милостью хозяина, и того он уже помнил». Нарышкин ежедневно раздавал милостыню убогим «деньгами и провизией». Его дом вмещал в себя «редкое собрание картин», богатую библиотеку, «горы серебряной и золотой посуды, множество драгоценных камней и всяких редкостей» [Булгарин 2001, с. 91, 93].

Нарышкин был меценатом, самостоятельно отыскивал и приближал к себе «литераторов, обративших на себя внимание публики, остряков, людей даровитых, музыкантов, художников» [Булгарин 2001, с. 91]. Он дружил с масоном и журналистом Николаем Новиковым. Нарышкину и его супруге посвящал стихи Державин. С юности Ивана Муравьева окружали литераторы.

Именно Нарышкин и его жена дали воспитаннику соответствующее домашнее образование. Кроме того, литературный дебют десятилетнего Муравьева – перевод сочинения маркиза Т. де ла Шетарди «Наставление знатному молодому господину, или Воображение о светском человеке» [Шетарди 1778] – вряд ли мог состояться без посторонней помощи.

Книжка эта была посвящена вельможе, дипломату и военачальнику Н. В. Репнину. В предисловии, обращенном к Репнину, Муравьев «уповал», что «слабости и недостатки» его сочинения «прикроются... врожденным великодушием» Репнина. «Милостивейший государь! Не возгнушайтесь принесением юного отрока, который, повергаясь с оным покровительству

вашей особы, пребывает с глубочайшим почтением», – обращался переводчик к Репнину [Ла Шетарди 1778, с. 1]. Публикация книжки была, конечно, делом затратным, самостоятельно опубликовать ее «юный отрок» не мог.

Александр Дюма, хорошо знавший Ивана Матвеевича, считал его «скорее аристократом, нежели либералом» [Дюма 1993, с. 117]. Сходным образом характеризовал Муравьева и мемуарист Филипп Вигель, называвший его «либеральствующим аристократом». Вигель утверждал, что Муравьев был «умным, но легкомысленным» человеком, который – «кажется» – «убежденный, собственных мыслей не имел» [Вигель 2003b, с. 976].

Собственные мысли у Муравьева, конечно, были. Но от Льва Нарышкина Иван Матвеевич перенял главное качество, позволившее ему долго и относительно безбедно существовать и в службе, и в литературе: умение лавировать между враждующими группировками. Нарышкин сумел сохранить расположение и Петра III, и Екатерины II, ненавидевшей мужа и вступившей на престол после дворцового переворота. В результате переворота Петр III лишился не только российской короны, но и жизни.

II

В шестилетнем возрасте Иван Муравьев был записан в гвардейский Измайловский полк, а реально начал служить в 17 лет – в должности обер-аудитора в штате петербургского генерал-губернатора Якова Брюса; в 1788 г., в 21 год, он был уволен с военной службы и определен в Коллегию иностранных дел, а два года спустя вернулся в армию с чином премьер-майора [Трошина 2007, с. 20–21]. Этот период оказался для Муравьева сложным: Иван Матвеевич был беден.

Анна Семеновна, урожденная Черноевич, на которой он женился в 1790 г., была, по-видимому, бесприданница; по крайней мере, о ее имении ничего не известно. Рождались дети, их надо было содержать, а доходов катастрофически не хватало. По воспоминаниям, например, Анны Керн, в 1800 г. Иван Матвеевич одолжил у ее матери «70 голландских червонцев» – но забыл отдать долг [Керн 1989, с. 104].

От отца Муравьеву досталось имение Устье. Краевед Игнатьев предполагает, что имение это было продано Иваном Матвеевичем «в 1808 или 1809 гг.» [Игнатьев 2017, с. 30]. Это предположение неверно: уже в 1801 г. Муравьев, «будучи обременен семейством», не имел ничего «к содержанию себя, кроме жалованья, щедротами монаршими положенного» [ГА РФ. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1. Л. 32об. – 33]. Отцовское наследство, таким образом, было продано гораздо раньше.

Но судьба была благосклонна к воспитаннику Нарышкиных. По его собственному позднейшему рассказу, написанному в форме письма к приятелю, «в 1796 году, путешествуя по южной России», он заехал в гости к двоюродному брату, майору Михаилу Даниловичу Апостолу; как и Иван Матвеевич, майор приходился правнуком украинскому гетману Даниилу Апостолу. Апостол принял его тепло и радушно: «обласкал» как «ближайшего родственника» [Муравьев-Апостол 1887b, с. 40].

Михаил Апостол был человеком эксцентричным и своенравным: из 19 лет военной службы 13 он пробыл в отставке [РГВИА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 123. Л. 100об. – 101; Ф. 11. Оп. 6. 1795 г. Д. 111. Л. 2об.]. Издатель «Русского архива» П. И. Бартенев считал майора «большим чудодеем» и о его личной жизни сообщал следующее: «Прожив 13 лет в браке с Елизаветой Николаевной (ур. Чорба), он прогнал ее после того, как умер единственный сын их, а затем увез жену колл[ежского] асессора Лизогуба и стал жить с нею. [Император] Павел обязал его выдавать прогнанной жене по 2 500 р. в год; а по жалобе Лизогуба заключил Апостола на три года в Лубенский монастырь на покаяние» [Муравьев-Апостол 1887b, с. 39].

У Апостола были близкие родственники: родная сестра Мария Селецкая, ее муж Иван и дочь София, в замужестве Синельникова. С родней он враждовал. Вражда эта могла иметь

для Апостола самые серьезные последствия: тайный советник Иван Селецкий занимал должность новороссийского губернатора. В 1800 г. Михаил Апостол попросил у Ивана Матвеевича защиты «от нападений ближних его родственников, кои... истощали все способы ябеды, дабы лишить его еще при жизни всего достояния его».

Иван Матвеевич, руководствуясь, по его словам, «сожалением к беззащитности» и «презрением к корыстолюбию», обратился «к некоторым особам, тогда делами такого рода управлявшим». В результате вмешательства могущественных «особ» Михаил Апостол «увидел себя вдруг торжествующим над врагами своими, их уничтоженными, себя освобожденным от их угнетения» [Муравьев-Апостол 1887b, с. 40].

Апостол оказался человеком благодарным. В прошении на Высочайшее имя, написанном в феврале 1801 г. и адресованном императору Павлу, он рассказывал, что в то время, как другие родственники оскорбляли его «разными притязаниями», двоюродный брат выказывал «благородное и дружеское обращение», был великодушен и бескорыстен.

Майор был последним носителем фамилии гетмана, и потому просил императора позволить Ивану Матвеевичу присоединить к фамилии вторую часть. В этом случае, по его словам, его «имя» «не погибнет», а «возродится в новой отрасли к верному и усердному служению Высочайшему престолу». Кроме того, Михаил Апостол завещал Ивану Матвеевичу большую часть своего состояния [ГА РФ. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1. Л. 33–33об.].

Указ о том, что Иван Матвеевич и весь его род могут именоваться Муравьевыми-Апостолами и после смерти Апостола наследовать ему, был подписан уже новым императором, Александром I, в апреле 1801 г. [ГА РФ. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1. Л. 20].

Рассказывая историю своего, как шутил Иван Матвеевич, «апостольства», он не забыл упомянуть, что долго отказывался от заманчивого предложения кузена. Однако он не упоминает о том, что, не дожидаясь высочайшего указа, Михаил Апостол подарил ему имение Бакумовку «с мельницами на реке Хорол, винокуренным заводом и всеми обзаведениями и частию скота заводского». Бакумовка располагалась в Миргородском уезде Полтавской губернии, в ней числилось пятьсот крестьянских «душ» [ГА РФ. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 21–21об.].

Собственно, эта Бакумовка выручила семью Ивана Матвеевича: обстоятельства сложились так, что сам он, живя в России, в 1805–1809 гг. содержал жену и детей в Париже. Но доходов с имения на большую семью все равно не хватало, Муравьев делал долги, и в 1811 г. Бакумовка была заложена. В 1813 г. его долг Опекунскому совету составлял 30 741 рубль и 39 копеек. Кроме того, Иван Матвеевич признал себя должным 20 000 рублей с процентами некоему господину Бозолевскому и 3000 – купцу Кожевникову [ГА РФ. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об., 8об. – 9].

Настоящее, большое богатство начало приходить к Ивану Матвеевичу с момента окончания войны с Наполеоном, когда – после смерти первой жены – он женился вторично. Вторая его супруга, Прасковья Васильевна, урожденная Грушецкая, происходила из знатного рода с польскими корнями. Грушецкие были родней русским царям: одна из представительниц рода, Агафья, была женой Федора Алексеевича. Отец Прасковьи Грушецкой – екатерининский генерал, в конце жизни действительный тайный советник и сенатор Василий Владимирович Грушецкий, а дед по материнской линии – победитель турок генерал-аншеф Василий Михайлович Долгоруков-Крымский [Лобанов-Ростовский 1895, с. 166–170].

По поводу второго брака Иван Матвеевич говорил, что «женился на целой жизни» [Керн 1989, с. 104]: Грушецкие действительно были богаты. В 1813 г. умер отец Прасковьи Васильевны, и по наследству к ней перешли село Александрово под Москвой и дом в центре Москвы, на Воздвиженке. Дом и имение были проданы два года спустя [Щапов 2010, с. 97–98; Дом В. В. Грушецкого]. По-видимому, эта продажа помогла Ивану Матвеевичу частично рассчитаться с долгами.

Вскоре Муравьевы-Апостолы приобрели в Москве другой дом, меньших размеров, на Старой Басманной улице, в середине 1820-х снимали и дом в Петербурге.

Прасковья Васильевна владела именем в Пронском уезде Рязанской губернии, в 1826 г. там числилось 666 крестьянских «душ» [Материалы 2016, с. 737]. В литературе встречаются сведения и об имении Прасковьи Муравьевой-Апостол под Тамбовом [ГА РФ. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 5. Л. 13; Органова 2000]. Родственник и друг Ивана Матвеевича, поэт Константин Батюшков, утверждал в 1816 г., что Муравьев «имеет шестьдесят тысяч дохода» в год [Батюшков 1989а, с. 382].

Главные же свои богатства Иван Матвеевич получил в 1817 г., через несколько месяцев после смерти Михаила Апостола.

Правда, перед кончиной Апостол составил новое завещание, на этот раз в пользу племянницы Синельниковой; по мнению Ивана Матвеевича, оно было поддельным. Синельникова вступила с Иваном Матвеевичем в тяжбу, которую в итоге проиграла. Комитет министров установил, что «по коренным законам именной указ отменен быть может одним только именным же указом», а значит, новое завещание было незаконным.

Получить наследство Муравьеву-Апостолу вновь помогли «влиятельные особы», в частности, генерал-губернатор Сибири Иван Пестель. В письме к сыну Павлу генерал-губернатор рассказывал, что, обратившись к помощи всесильного графа Алексея Аракчеева, «сумел закончить дело» в пользу приятеля. «Теперь Мур[авьев]-Апостол возносит меня до небес, называя меня благодетелем и спасителем всей его семьи; мне это доставляет удовольствие, поскольку атт[естация] верна», – писал генерал-губернатор [Из бумаг 2012, с. 140–141].

Победа над Синельниковой принесла Ивану Матвеевичу крупное поместье, состоящее из 13 тыс. десятин земли и 4 тыс. крепостных «душ»; центром поместья была усадьба Хомулец. Располагался Хомулец в пяти километрах от Бакумовки, в том же Миргородском уезде Полтавской губернии.

Свалившееся буквально на голову богатство помогло Ивану Матвеевичу реализовать главную установку жизни, которую он сформулировал еще в 1811 г.: «пока живу, хочу наслаждаться» [Державин 1871, с. 376]. Образом жизни он быстро стал похож на Льва Нарышкина.

Родственники Апостола, уезжая их Хомульца, «с досады сожгли дом его и вырубili лучшую в саду столетнюю липовую аллею», и Иван Матвеевич был вынужден жить «в небольшом экономическом доме» [Капнист-Скалон 2008, с. 374]. Но это не помешало роскоши. Он выписал из Испании в Хомулец метрдотеля, который «то на французском, то на немецком языке» объяснял гостям состав блюд, а с хозяином говорил по-испански.

Муравьев завел «большую гостиную», которая «вмещала в себе кабинет и его обширную библиотеку, и рояль, и разные игры, и камин, вокруг которого усаживались обыкновенно и гости, и хозяева, беседуя или читая вслух, а большею частью слушая чудное пение самого хозяина» [Бибикина 1916, с. 408; Капнист-Скалон 2008, с. 374–375].

«Наслаждения» требовали больших денег: в 1826 г. выяснилось, что имения Прасковьи Муравьевой-Апостол в Рязанской губернии тоже заложены в Опекунский совет, ее долг совету составлял 132 400 рублей. По справке, составленной в 1839 г., казенный долг Ивана Матвеевича вырос до 700 тысяч рублей; 45 тысяч в год он должен был платить в качестве процентов [ГА РФ. Ф. 1002. Оп. 1. Д. 5. Л. 13].

III

Частью «наслаждений» Ивана Матвеевича были литературные занятия.

По словам Александра Дюма, Иван Матвеевич был «замечательный филолог, главным образом эллинист» [Дюма 1993, с. 117]. По свидетельству же российского современника, Петра Плетнева, в Муравьеве «доведены были до совершенства редко встречаемые качества: клас-

сическая ученость и изумительное разнообразие знаний, навык к труду кабинетному, способность к развитию плодов его в жизни высшего круга. По-гречески и по-латыни он знал как должностной ученый. Из новейших языков Европы он не владел разве одним турецким. Беспрерывным чтением и еще более долговременными путешествиями и частыми сношениями почти со всеми знаменитостями века своего он достигнул завидных успехов в тех науках, которые людям высшего общества доставляют проницательность, богатство идей, глубокомыслие и остроумие» [Плетнев 1852, стлб. 41–42].

В середине 1810-х годов много общавшийся с Иваном Матвеевичем поэт Константин Батюшков обратился к нему со стихотворным посланием. В послании Батюшков, называя Ивана Матвеевича «любимцем муз», рассуждал о природе поэтического гения:

*Ты прав, любимец Муз! от первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заимлет силу гений
И им в течение дней своих не изменит! <...>*

*Пушай свирепый рок по воле им играет:
Пушай незнаемый, без злата и честей,
С главой поникшею он бродит меж людей;
Пушай Фортуною от детства удостоен*

*Он будет судия, министр иль в поле воин, —
Но Музам и себе нигде не изменит.
В самом молчании он будет все шит.
В самом бездействии он с деятельным духом,
Все сильно чувствует, все ловит взором, слухом,
Всем наслаждается, и всюду, наконец,
Готовит Фебу дань его грядущий жрец*

[Батюшков 1989, с. 223–225].

Но при всех своих знаниях и литературных талантах как литератор Иван Матвеевич сильно отличался от, например, двоюродного брата, Михаила Никитича Муравьева. Михаил Муравьев был настоящий писатель – и занимался литературным трудом с ранней юности, вне зависимости от того, служил ли он при дворе, был ли сенатором, состоял ли товарищем министра просвещения или занимал должность попечителя Московского университета.

По мнению Батюшкова, «тайные помышления» души Михаила Муравьева «клонились к пользе общественной, к любви изящного во всех родах и особенно к успехам отечественной словесности» [Батюшков 1989, с. 63]. По словам же Топорова, Муравьев был «прежде всего... писатель, а в его писательстве главное – сфера художественного. Здесь он успел сделать очень многое» [Топоров 2001, с. 17].

Иван Матвеевич, в отличие от кузена, занимался литературой от случая к случаю, это был лишь «способ приятного времяпрепровождения во время вынужденной отставки» [Кошелев 2002, с. 201]. «Музам» Муравьев-Апостол «изменял» нередко. Поэтому, несмотря на то, что он пережил Михаила Никитича на 40 с лишним лет, его роль в литературе оказалась гораздо скромнее.

В начале 1790-х годов Иван Матвеевич – по модной в конце XVIII в. теории «склонения» иностранных пьес на российские нравы – перевел «Школу злословия» Ричарда Бринсли Шеридана и «Ночь ошибок» Оливера Голдсмита (в переводе Муравьева – «Ошибки, или Утро вечера мудренее»); обе они были поставлены в придворном Эрмитажном театре. Пьесы были не столько переводами, сколько переделками английских оригиналов. Английские фамилии

героев были заменены русскими, «говорящими», местом действия стала Россия, обсуждали герои насущные российские проблемы – такие, какими их видел переводчик.

Комментируя «Школу злословия» в исполнении Ивана Матвеевича, И. А. Кубасов замечал, что ее «действующие лица – все эти Досажаевы, Лукавины, Ветроны, Насмешкины с их “злословием”, сплетнями, ханжеством, мотовством, одами, париками и буклями, все это ряд типов, как бы выхваченных автором из современной ему жизни». Про вторую же пьесу, «Ошибки», комментатор писал, что она «скорее сбивается на современный фарс», но «по тогдашним понятиям о смешном в комедиях пьеса Муравьева, полная действия и написанная при этом хорошим языком, имела право на успех и пользовалась таковым» [Кубасов 1904, с. 312, 318].

После этих первых опытов литературное творчество отошло на второй план: Иван Матвеевич делал карьеру. Свободное время появилось у него со второй половины 1805 г.: после вынужденной отставки он снова занялся переводами. Теперь он переводил Горация, составлял к его текстам комментарии.

Переводы открыли Ивану Матвеевичу дверь в большую литературу: в 1811 г. он вступил в «славенофильское» литературное общество – «Беседу любителей русского слова».

Литературная стратегия, избранная Иваном Матвеевичем, была весьма оригинальной: согласно исследовательскому мнению, он «как-то странно “вписался”... в литературную борьбу эпохи» [Кошелев 2002, с. 213]. «Странность» заключалась, прежде всего, в том, что он, состоя в «Беседе», в 1815 г. стал почетным членом противостоявшей ей литературной группировки, европейски ориентированного «Арзамаса».

На самом же деле Муравьев-Апостол не сочувствовал ни «Беседе», ни «Арзамасу». Он скептически относился к творчеству Василия Жуковского, одного из основателей «Арзамаса», считал его литературную репутацию неоправданной. И в письмах иронически замечал, что русский поэт повторяет «вкус» Байрона, а «нашим великим литераторам весьма мало известно все то, что вне круга несравненного Жуковского». К Александру Шишкову, «архаисту» и идеологу «Беседы», требовавшему замены в русском языке иностранных слов на слова с древнерусскими корнями, он тоже относился с иронией [Громова 1974, с. 114–115]. Исследователи пришли к выводу, что Иван Матвеевич «не присоединился ни к единомышленникам Шишкова, ни к его противникам» [Кузьменко 1964, с. 26].

Лавирование между «Арзамасом» и «Беседой» способно было принести – и принесло – немалые плоды: Иван Матвеевич был знаком и поддерживал дружеские связи со многими деятелями литературы. Кроме «Беседы» и «Арзамаса» он входил в несколько других крупных литературных объединений, а в 1840-х годах стал почетным членом Академии наук.

Первый большой, говоря сегодняшним языком, литературный проект Муравьева-Апостола – «Письма из Москвы в Нижний Новгород», публиковавшиеся в 1813–1815 гг. в журнале «Сын отечества». Затем, в 1821 г., вышел его перевод «Облаков» Аристофана, а два года спустя – «Путешествие по Тавриде в 1820 году», научно-популярный текст, повествующий о крымских «древностях» и тепло встреченный читателями. Столичный критик Александр Бестужев, впоследствии – один из главных участников восстания 14 декабря 1825 г., утверждал, что «Путешествие» заслуживает «внимание европейцев и особенную благодарность русских». Для текста Ивана Матвеевича, по словам Бестужева, характерны «точность исторических изысканий, новизна сведений географических и чистота слога». «Путешествие по Тавриде» критик считал необходимой книгой «для ученого и светского человека» [Бестужев 1960, с. 266].

Иван Матвеевич переводил и комментировал письма Цицерона, которые, однако, в полном виде напечатаны не были [Трошина 2007, с. 69–70]. На смерть Александра I откликнулся элегией на древнегреческом языке, а в 1840-х годах снова вернулся к Горацию.

Главное произведение Ивана Муравьева-Апостола – «Письма из Москвы в Нижний Новгород» – публиковалось анонимно, но имя автора было, конечно, известно в литературных

кругах. Важность этих писем в том, что Иван Матвеевич высказывался не по поводу «древностей», а почти исключительно по поводу современных ему событий.

«Письма» отражают реальные впечатления автора: в начале войны он, как и многие другие представители высшей знати, уехал из Москвы в Нижний Новгород. Когда же стало ясно, что французы покидают Россию, Иван Матвеевич вернулся в Москву. Личными впечатлениями продиктован, например, пассаж из «Писем»: «Престольный древний град за три месяца назад вмещал 600 тысяч жителей спокойных и счастливых; я увидел вдруг его опустевшим, как после моровой язвы; видел улицы его и площади, покрытые ранеными братьями нашими, лившими кровь свою за нас на Бородинском поле!.. Нет! этого я никогда не могу вспомнить без ужаса – я видел зарево пылающей Столицы!»

Кроме того, автор писем, вероятно, на самом деле «видел всю дорогу от Москвы до Владимира, усеянную гражданами, ищущими спасения в бегстве; видел – с грудными младенцами бледных матерей, в отчаянии подьемлющих к небу слезами наполненные глаза; видел на одной повозке целые семейства, вчера – богачей, сегодня – нищих в рубищах и без пропитания; видел телеги, наполненные израненными, умирающими пленными, которые на трех или на четырех разных языках проклинали коронованного их разбойничьего атамана» [Муравьев-Апостол 2002, с. 10–11].

Свидетельство правдивости этих строк – знаменитое стихотворение Константина Батюшкова «К Дашкову». Прodelавший путь в эвакуацию вместе с Иваном Матвеевичем, Батюшков утверждал:

*Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных;
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил*

[Батюшков 1989, с. 190–191].

Связь стихотворения Батюшкова с «Письмами из Москвы в Нижний Новгород» давно отмечена исследователями [Серман 1939, с. 254; Фридман 1971, с. 166–167].

Основной темой «Писем» стала борьба с Наполеоном. Повествователь, стоя на развалинах Москвы, чувствует вполне обоснованную «ненависть к извергам-французам», «чувство мщения берет верх над всеми прочими». Наполеона он называет Бонькой, сравнивает с Пугачевым и утверждает, что «не пройдет целого века, и французская нация исчезнет» [Муравьев-Апостол 2002, с. 5, 8].

Естественно, повествователь – восторженный патриот, восхищающийся русским народом: «Народ Российский, народ доблестный, не унывай! Доколе пребудешь верен церкви, царю и самому себе, дотолы не превозможет тебя никакая сила», «истинно все чудесно у нас! Какой народ! Какие в нем силы телесные и душевные! Пространство земли нашей – семнадцать миллионов квадратных верст; народонаселение – сорок четыре миллиона, из которых сорок миллионов одним языком говорят, одним крестом крестятся!..» [Муравьев-Апостол 2002, с. 6].

* * *

Но тематически сочинение Ивана Матвеевича не сводимо только к описаниям войны и патриотических эмоций. Повествователь рассуждает и о европейской истории, и о литературе, и о критике, и о русском языке, и о «должности» российского писателя.

Смысл «истин», которые открывали согражданам «Письма», хорошо сформулировал И. А. Кубасов. По его мнению, Муравьев-Апостол «старался доказать, что вся ложь и зло в нашем обществе происходят от отсутствия у нас общественного и национального самосознания, а последнее – от рабской привязанности к вековым предрассудкам и требованиям минутной моды» [Кубасов 1902, с. 98].

Но, анализируя «Письма из Москвы в Нижний Новгород», и Кубасов, и многие другие исследователи совершают ошибку: они ставят знак равенства между повествователем – главным героем «Писем» – и самим Муравьевым-Апостолом. Повествователь, подобно автору, писатель, рассуждающий, кроме прочего, и о литературных проблемах. С другой же стороны повествователь – азартный пропагандист, а в пропагандистских пассажах «Писем» личность их автора угадывается далеко не всегда. Красивая литературно-публицистическая поза, в которую весьма часто становился повествователь, далеко не всегда согласовалась с практическими действиями автора «Писем».

Так, едва ли не главной в «Письмах» была педагогическая составляющая; современники даже иронически называли Ивана Матвеевича «новым Локком», по имени знаменитого философа и педагога XVII в.

Повествователь яростно агитирует против французского воспитания молодых русских дворян. Он упрекает родителей, дети которых «в 10 лет... забыли то, что они научились русского языка от кормилиц своих» и «даже Богу молиться не умеют иначе, чем по французскому молитвеннику». «Два таких поколения, и чего ожидать? – Того, что мы часто видим: русских нерусских», – негодовал повествователь [Муравьев-Апостол 2002, с. 17].

Но собственные семеро детей Ивана Матвеевича, из них трое сыновей, Матвей, Сергей и Ипполит, росли в Париже под присмотром матери. У них, как и было положено детям-дворянам, был гувернер-француз, который в 1791 г. «сидел на козлах у короля» Людовика XVI, пытавшегося убежать от революционеров [Муравьев-Апостол 1886, с. 226]. Родным для братьев, как уже говорилось выше, был французский язык, русскому же они начали учиться лишь в подростковом возрасте.

Повествователь – противник раннего вступления дворянских детей в службу: считал, что «в 15 лет», «в такие нежные лета» мальчики еще не могут быть «угодными Отечеству слугами». «Отечество требует от вас зрелых плодов, а вы, не внемля гласу его, торопитесь и как будто спешите с рук сживать детей», «отпускать мальчика в 15 лет на службу для того, чтобы заранее укрепить физические его силы! – Это все равно, что сказать: дабы ускорить созревание плода, должно не давать ему времени созреть – бессмыслица!.. я все еще спрошу: что нужнее Отечеству, богатырь ли телом или богатырь душою? – Если первой нужнее, то нет нам надобности не только в университетах, но даже и в наемниках-французах: купать нас всех в крещенские морозы в прорубах... и кто выдержит, тот и слуга Отечеству»; «пора нам, и давно пора, образумиться и перестать воображать себе, что, научив мальчика болтать, как попугая, по-француз-

ски и нарядив его в 15 лет в мундир, мы исполнили все обязанности, которые возложили на нас Бог, природа и Отечество» – утверждал повествователь [Муравьев-Апостол 2002, с. 36–37].

Но собственных сыновей Иван Матвеевич одел в мундиры почти сразу же после их возвращения в Россию. Семнадцатилетний Матвей и пятнадцатилетний Сергей, прекрасно умевшие «болтать по-французски» и плохо понимавшие родной язык, отправились учиться в институт Корпуса инженеров путей сообщения. С момента поступления они считались на действительной службе. Дочери автора «Писем» тоже не могли похвастаться отцовским вниманием: одна из них, Екатерина, по приезде из Парижа стала фрейлиной [Несмеянова 2019, с. 12]. Две другие, Анна и Елена, отправились в Смольный институт благородных девиц [Муравьев-Апостол 1922, с. 73].

Младшего же сына, четырехлетнего Ипполита, отец оставил на воспитание Екатерине Федоровне Муравьевой, вдове двоюродного брата Михаила Никитича.

Повествователь-патриот клеймил французов за излишнее увлечение математикой: «В этом народе давно сердце высохло; не в состоянии более производить Расинов, он гордится теперь Кондорсетами». Противопоставляя драматурга Расина математику-философу Кондорсе, повествователь утверждает, что математические науки ведут к «неверию» и – в итоге – «раскрывается... летопись революции, начертанная кровию человеческою» [Муравьев-Апостол 2002, с. 40].

«Странность» этого педагогического умозаключения впервые подметил князь Петр Вяземский, написавший в середине 1810-х годов ноэль «Спасителя рождением...»:

*Спасителя рождением
Встревожился народ;
К малютке с поздравленьем
Пустился всякий сброд:
Монахи, рифмачи, прелестники, вельможи —
Иной пешком, другой в санях;
Дитя глядит на них в слезах
И вопит: «Что за рожи!»*

«Приношение» Спасителю от Ивана Муравьева-Апостола выглядело следующим образом:

*Трактат о воспитанье
Приносит новый Локк:
«В малютке при старанье,
Поверьте, будет прок. <...>
Горация на шею
Себе я навязал,
Я мало разумею,
Но много прочитал!
Малютку рад учить всем лексиконам в мире,
Но математике никак,
Боюсь, докажет – я дурак,
Как дважды два четыре!»*

[Вяземский 1986, с. 67, 70].

Но в реальной жизни Иван Матвеевич, сын военного инженера, учившийся в пансионе математика Эйлера, явно не был ни «дураком», ни противником математического образова-

ния. В 1807 г. Муравьев-Апостол пригласил в Россию знаменитого испанского инженера Августина Бетанкура. Именно Бетанкур основал и возглавил институт Корпуса инженеров путей сообщения, куда Иван Матвеевич отправил учиться старших сыновей. Естественно, в институте преподавались прежде всего науки, связанные с математикой.

В 1825 г. третий сын Ивана Матвеевича, Ипполит, окончил Училище колонновожатых – сложнейшее военно-математическое учебное заведение, готовившее квартирмейстерских офицеров.

Повествователь в «Письмах» не любил льстецов и карьеристов: его удручала истина, что «чины – единственная цель, в которую метят родители, к которой стремятся юноши». В тексте высмеивались те дворяне, кто «взрос и возмужал, полагая все блаженство жизни в том, чтобы достичь до такой степени, на которой любимец счастья отличается от толпы смертных – шитым золотом кафтаном и лентами» и кто «смешивал в понятиях своих *превосходство с превосходительством*» [Муравьев-Апостол 2002, с. 35, 101–102].

Однако в реальности «превосходство с превосходительством» сам Иван Матвеевич, находясь на службе, смешивал нередко.

IV

Завистливым современникам Муравьев-Апостол казался, по его собственным словам, «любимцем счастья» [Державин 1871, с. 298]. Первый прорыв в его карьере случился в начале 1790-х годов: он, «любезник и красавец» [Вигель 2003b, с. 976], был приглашен ко двору императрицы Екатерины II.

О начинающем литераторе императрице, по-видимому, рассказал Михаил Муравьев. К началу 1790-х годов Михаил Никитич был уже учителем великих князей Александра и Константина, учил русскому языку и принцессу Луизу-Марию-Августу Баденскую, будущую Елизавету Алексеевну, жену Александра I [Бокова, Данилова 1999, с. 166; Трошина 2007, с. 21]. Михаил Муравьев был многим обязан отцу Ивана Матвеевича, давшему пристанище и фактически вырастившему его собственного отца, Никиту Артамоновича [Муравьев 1994, с. 36].

При дворе Иван Матвеевич пошел по стопам двоюродного брата: стал воспитателем великого князя Константина Павловича, а затем, когда Константин женился, был произведен в камергеры к великому князю и «награжден 6000 рублями и ежегодным по смерти пенсионом по 2000 рублей» [Трошина 2007, с. 22].

Российская придворная жизнь конца века определялась, как известно, конфликтом стареющей государыни с ее взрослым наследником, цесаревичем Павлом Петровичем. Иван Матвеевич же сумел поладить и с государыней, и с ненавидимым ею наследником. И при этом Муравьев пользовался доверием великого князя Александра Павловича: сын воспитателя, декабрист Матвей, «помнил у своего отца целую кипу писем великого князя к нему» [Якушкин 1886, с. 152].

Матвей рассказывал в мемуарах историю о том, как, назначенный Екатериной «дежурным кавалером» при великом князе Константине, Муравьев не воспротивился желанию подопечного устроить полковое учение случайно встреченному гвардейскому полку – при том, что «кавалерам предписано было государынею не допускать ее внуков вмешиваться в дела гвардейских полков». Иван Матвеевич получил замечание от начальства и ждал изъяснения недовольства от самой государыни. Но цесаревич Павел, подходя к Ивану Матвеевичу, три раза коснулся «рукою до паркета»: «Благодарю, что вы не хотите сделать из моих сыновей пустых людей» [Муравьев-Апостол 1922, с. 18]. Муравьев все рассчитал правильно: дело происходило в 1796 г., императрица вскоре умерла, а цесаревич, ставший императором, не забыл про него. Сыновьям же Иван Матвеевич впоследствии объяснял, что с воцарением Павла в России совершился «громадный переворот» [Муравьев-Апостол 1922, с. 21].

Н. К. Шильдер считал, что «новое царствование», царствование императора Павла, «с первых же дней сделалось отрицанием предыдущего»; «с поразительной поспешностью» Павел принялся за «“подвиг” исцеления России». По мнению крупного сановника Ивана Дмитриева, «восшествие на престол преемника Екатерины» было озаглавлено «крутыми поворотами во всех частях государственного управления» [Шильдер 1901, с. 293, 294, 295].

Конечно, и внутренняя, и внешняя политика Павла не были вовсе бессмысленными: они диктовались обстоятельствами – в той мере, в какой их понимал сам Павел. Но высшим чиновникам и придворным при новом царе было крайне неуютно: император не выносил, когда ему давали советы, требовал беспрекословного исполнения приказов, был вспыльчив, «его гнев или милость, благосклонность или раздражение проистекали из одного лишь минутного каприза» [Виже-Либрен 2004, с. 75]. По мнению же А. Рамбо, «природа» одарила Павла I «умом и дарованиями, но характер его сделался строптивым от обстоятельств». Император не был жесток, но был непредсказуем: «Он столь же быстро наказывал, как и награждал» [Рамбо 1994, с. 325].

V

Находиться в России, а тем более при дворе стало опасно. Вероятно, Иван Матвеевич – или лично, или через свои придворные связи – просил у нового императора дипломатической должности. Через месяц после воцарения Павла Муравьев получил первый дипломатический пост: стал русским посланником в немецком городе Эйтине (декабрь 1796 г.). Вскоре он занял и другие должности: в июне 1798 г. Павел соединил эйтинскую миссию с миссией в Нижне-саксонском округе – объединении нескольких немецких земель.

Традиционно считается, что Муравьев был российским посланником в Гамбурге; это неточно. Кроме Гамбурга в округ входили Любек, Бремен, Гослар, духовное Любекское епископство и др. Объединив миссии, император Павел «заблагорассудил» «аккредитовать» при миссиях в Эйтене и «Нижнем Саксонском округе» «в качестве нашего чрезвычайного посланника и полномочного министра с жалованьем по шести тысяч рублей в год» «господина камергера Муравьева» [АВПРИ МИД. Ф. 45. Оп. 45/1. 1798 г. Д. 634. Л. 2, 3].

Поскольку земли, входившие в округ, принадлежали, в частности, датской короне, к должности Ивана Матвеевича вскоре добавился и пост посланника в Копенгагене (1799 г.).

Но местом постоянного пребывания Муравьева действительно оказался вольный, суверенный и самоуправляемый город Гамбург. Вместе с ним из России прибыли жена и четверо малолетних детей: дочери Елизавета и Екатерина и сыновья – Матвей и Сергей.

В Гамбурге можно было жить спокойно: носить запрещенную в России европейскую одежду, не опасаясь, что полицейский сорвет с головы «неправильную» шляпу, употреблять в речи запрещенные в России слова, читать иностранные газеты и запрещенные в России книги. Можно было спокойно ехать в собственном экипаже и не опасаться попасться на глаза императору, при встрече с которым российским подданным – в любую погоду – следовало выйти из экипажа для поклона. Впрочем, безопасность гамбургской дипломатической миссии была относительной. У Павла, по-видимому, были свои виды на Гамбург: современник вспоминал, что «рыцарственный» российский император «совершенно серьезно предложил Бонапарту дуэль в Гамбурге с целью положить этим поединком предел разорительным войнам, опустошавшим Европу», и даже выбрал для этой дуэли секундантов [Саблуков 1903, с. 46].

Если это свидетельство верно, то, узнав о решении императора, российский посланник в Гамбурге должен был пережить немало неприятных минут. Кроме того, существует рассказ Матвея Муравьева-Апостола о том, как его отец «однажды был вытребован Павлом в Петербург», причиной же была некая перлюстрированная переписка гамбургского посланника. Иван

Матвеевич «в сутки собрался и ускакал». Но ситуация разрешилась: Павел «обнял его» и повелел «ехать обратно» [Декабристы 1926, с. 137].

Отношения с Наполеоном Бонапартом и его предшественниками во главе Французской Республики оказались главной внешнеполитической сложностью конца 1790-х годов. Во Франции после начала революции сменилось несколько правительств; на момент воцарения Павла исполнительная власть принадлежала состоявшей из пяти человек Директории. С событиями, происходившими во Франции, были вынуждены считаться и российские, и европейские правители.

Сын посланника, Матвей, считал российскую миссию в Гамбурге «дипломатическим аванпостом» российского правительства [Муравьев-Апостол 1922, с. 18]. Но, согласно документам, этот «аванпост» находился в стороне от большой европейской политики. Приехав в Гамбург, Муравьев доносил Павлу I и Коллегии иностранных дел о слухах, которые доходили до него. «Известие за известием текут в непрерывной последовательности, и только что последнее опровергает предыдущее», – с сожалением констатировал он [АВПРИ МИД. Ф. 45. Оп. 45/1. 1798 г. Д. 640. Л. 2; Ф. 44. Оп. 1. Д. 310. Л. 8].

Например, сведения о Египетском походе, предоставленные Муравьевым в российскую столицу в августе 1798 г., выглядели следующим образом: «Якобы адмирал Нельсон, догнав общего врага веры и законов, сразился с ним и разбил его, взяв в плен 9 кораблей и предводителя их Бонапарте», «слухи о разбитии французского флота по несчастию никак не подтверждаются. Из Англии ни слова, а из Парижа, напротив того, утвердительно пишут, что Бонапарте уже в Александрии. Если все известия о победе Нельсоновой были лживы, то весьма удивительно, что они могли так долго и так постоянно поддерживаться» [АВПРИ МИД. Ф. 45. Оп. 45/1. 1798 г. Д. 640. Л. 1, 2, 2об.; Ф. 44. Оп. 1. Д. 310. Л. 3–4об., 8–8об., 11–11об. и др.].

В донесениях посланника правда перемешана с дезинформацией: англичане, как известно, не смогли помешать французам высадиться в Египте и тем более не захватывали в плен генерала Бонапарта. К моменту написания депеш французы действительно заняли не только Александрию, но и Каир. В начале августа Нельсон разгромил французский флот в Абукирском заливе – и тем загнал французов в египетскую ловушку.

Но информаторы русского посланника были правы в другом: политическая ситуация во Франции была крайне нестабильной, и этой нестабильностью Бонапарт воспользовался, идя к власти. «По новейшим известиям из Франции, в Париже мнения колеблются между миром и войной. Духовные власти... ищут спасения своего в войне, светские, напротив того, желают мира». «По письмам из Парижа все предвещает сильное потрясение в настоящем правлении», «вскоре последует борьба» между Директорией и нижней палатой парламента, Советом пятисот. «Уже слух носится, что сей Совет будет совсем отброшен как не соответствующий цели, которую в нем предполагало отечество», «негодование народа, особливо в самом Париже», к Директории «воистину не описано» [АВПРИ МИД. Ф. 45. Оп. 45/1. 1798 г. Д. 640. Л. 4, 8, 45; Ф. 44. Оп. 1. Д. 310. Л. 23об.].

При Павле отношения России с Францией не были равными. Поначалу воевать он не хотел и пытался договориться с революционным правительством. В 1798 г. отношения испортились: возникла антифранцузская коалиция, и Россия приняла в ней активное участие. Год спустя обострились и отношения России с Гамбургом. По мнению российского императора, Гамбург «по пристрастию, с некоторого времени оказуемому магистратом... к французскому правлению», превратился «из торгового города» «в гнездо злых намерений и убежище со всего света бродяг, убегающих правосудия и готовых на все из-за куска хлеба». В октябре 1799 г. Павел решил «наложить амбарго (эмбарго. – О. К.) на все купеческие суда Гамбурга, в портах Империи Нашей находящиеся, а те, кои встречаться будут с Нашими морскими воинскими судами, брать».

Павел поставил условие: восстановлению отношений должны предшествовать запрещение деятельности гамбургских профранцузских клубов, а кроме того – выдача Англии скрывавшихся в городе «ирландских бунтовщиков» [АВПРИ МИД. Ф. 45. Оп. 45/1. 1799 г. Д. 651. Л. 3, 4]. Объявив решение Павла гамбургским сенаторам, Муравьев переселился в соседний город Альтону, принадлежавший Дании. Впрочем, ссора длилась недолго: Гамбург выполнил требования русских, в октябре того же года «амбарго» было снято, а русская миссия вернулась обратно [АВПРИ МИД. Ф. 45. Оп. 45/1. 1799 г. Д. 651. Л. 14, 15].

В начале 1800 г., после того как Директорию во Франции сменил Консулат, а Бонапарт стал первым консулом, сближение России с Францией началось вновь: Матвей Муравьев-Апостол утверждал, что его отцу было поручено вести «первые переговоры нашего правительства с Французской Республикой» [Муравьев-Апостол 1922, с. 18; АВПРИ МИД. Ф. 44. Оп. 4. Д. 336. Л. 3–3об.]. Более того, Павел стал готовиться к войне с Англией – главной противницей Франции в Европе; воевать с англичанами предполагалось, в частности, в Индии, для чего планировался совместный с Бонапартом поход. В Индию уже были отправлены казачьи полки.

Планы эти не осуществились только потому, что в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. русский император был убит.

В число главных акторов внешней политики Павловского царствования Иван Муравьев явно не входил. Главные роли в дипломатических сношениях играли другие люди: главы российского внешнеполитического ведомства антифранцузски настроенный граф Никита Панин и сторонник сближения с Бонапартом граф Федор Ростопчин. Но и их влияние было не столь велико: внешнюю политику определял лично император Павел.

Иван Матвеевич, ориентировавшийся в дипломатической деятельности на Панина, был тоже настроен антифранцузски. В 1798 г. в депешах императору Павлу «французское правление» он называл «чудовищем, страшным вне, ненавистным внутри, ограбившим пол-Европы», а саму Францию – «Богом оставленной землей», над которой «сгущается мрак» [АВПР МИД. Ф. 44. Оп. 1. Д. 310. Л. 3–4об., 8–8об., 11–11об.]. Однако никакой самостоятельной роли гамбургский посланник не играл, всецело ориентируясь на Петербург и четко следуя полученным указаниям. Так, А. Тьер в «Истории консульства и империи во Франции» рассказывает, в частности, о том, как в 1800 г. первый консул, желая нормализовать отношения с Россией, решил возратить на родину содержащихся во Франции русских пленных – «в знак уважения своего к русскому войску, которое французы научились ценить и уважать на поле брани». Письмо об этом Шарль Талейран, французский министр иностранных дел, послал в Петербург через гамбургское посольство. Ивану Матвеевичу его передал – для доставки русскому императору – французский посланник при датском дворе.

Но план первого консула едва не был сорван. Муравьев – «на основании прежних предписаний» Петербурга, строго запрещающих русским дипломатам «вступать в сношения с представителями Французской Республики» – отказался передавать письмо. Впрочем, он прочел послание и «изъяснил» его содержание в донесении в столицу [Тьер 1846, с. 77–78].

Осторожен Иван Матвеевич был и в истории с генералом Шарлем-Франсуа Дюмурье, относящейся к тому же 1800 г. Прирожденный авантюрист, революционный генерал, в 1792–1793 гг.

министр иностранных дел Франции, а впоследствии главнокомандующий одной из французских армий, он повернул оружие против революционного правительства. Не поддержанный подчиненными, Дюмурье бежал в Австрию и мечтал о славе восстановителя французской монархии. И в этом качестве предложил свои услуги Павлу I, отправив ему соответствующее письмо.

Матвей вспоминал, что его отец получил задание не приглашать Дюмурье «официальным образом в Россию, но дать уразуметь, что у нас его ждет благосклонная встреча», и потому «угощал обедами генерала». Встречи российского посланника с генералом Матвей дополняет

бытовой подробностью: он сам, пятилетний ребенок, «ярый роялист», сказал генералу, что «ненавидит» человека, который «изменил своему королю и своему отечеству» [Муравьев-Апостол 1922, с. 18–19]. Иван Матвеевич был напуган выходкой сына: он решил, что Дюмурье «может почесть эту сцену злонамеренно устроенною взрослыми» и «так рассердился, что ребенок не успел очнуться, как уже был в третьей оттуда комнате» [Декабристы 1926, с. 123–124].

В итоге сомнения посланника разрешились: из столицы пришел приказ выдать Дюмурье паспорт для проезда в Россию, что и было сделано. Но в итоге встреча генерала с российским императором так и не состоялась (О миссии Дюмурье см.: [Манфред 1987, с. 312–318]).

И даже там, где, казалось бы, Иван Муравьев проявлял не предусмотренную инструкциями человечность, – он все равно исполнял высочайшее распоряжения.

Так, Матвей повествовал, как его отец взял под покровительство некоего французского эмигранта, выдачи которого требовало французское правительство – а «сенат гамбургский» уже «готовился выдать жертву, обреченную на смерть». Русский посланник «выпроводил» эмигранта «в Петербург» несмотря на то, что «в инструкциях... не было вовсе о том упомянуто». За это самовольство посланник «ожидал быть отозванным или получить наистрожайший выговор». Павел же «остался совершенно доволен заступничеством, оказанным эмигранту». Император нашел, что «г-н Муравьев действовал по-божески» [Муравьев-Апостол 1922, с. 18].

Но Матвей не знал, что, согласно инструкции, данной в 1797 г. императором послу в Берлине, тому же Никите Панину, российским дипломатам предписывалось «отвращать» «всякие замашки французские во вред и пагубу их одноземцев, учинившихся жертвою приверженности их к законному своему государю». При возникновении же конфликтных ситуаций, связанных с эмигрантами, следовало дать понять, что Россия стремится предоставить «спокойное убежище несчастным, кои по разнообразию мыслей с правлением, вновь ныне во Франции наставшем, опасаясь мщениа, ищут одной только для себя безопасности» [Иголкин 2010, с. 85]. Муравьев с Паниным дружил, себя называл «преданной Панину душой» [Брикнер 1892, с. 616–617; Эйдельман 2001, с. 126] и о содержании инструкции почти наверняка знал.

За спасение эмигранта Иван Матвеевич получил Кавалерский орден Святой Анны I степени [Трошина 2007, с. 22].

Исполнял Иван Матвеевич и секретные поручения весьма деликатного свойства. Сохранились два его письма конца 1799 г., адресованные генералиссимусу Александру Суворову и касавшиеся поисков шпионов в союзных войсках в Италии.

Иван Матвеевич сообщал главнокомандующему, что «чрез переписку свою в Париже» извещен о появлении в армии французского шпиона Латура, имевшего задание «извещать... Директорию, а ныне консулов» обо всех передвижениях армии и действующего «под видом купца, торгующего часами». Суворов благодарил посланника «за доставленные... о шпионе Латуре сведения» и сообщал, что сделал «тотчас все нужные предписания» для его поиска.

Во втором письме Иван Матвеевич сообщал, что Латур, как следует из перехваченной переписки, «просит о присылке на смену его другого, опасаясь, что его узнают». Просьба шпиона уважена: на его место назначен «некто Шмидт, уроженец майнский», который должен «свидеться с Латуром и от него получить наставления».

Муравьев просил Суворова сохранить конфиденциальность переписки: «Естьли по описаниям моим что-нибудь откроется такое, почему Ваша светлость заблагорассудили бы принять меры открытия, то я всепокорнейше прошу повелеть, чтобы не разгласилось, что сведения сии доставлены были из Гамбурга. Предосторожность сия весьма необходима для пользы Высочайшей службы».

В этой переписке была и личная часть. «Счастливым чту себя, что случай сей доставляет мне честь писать к Вашей светлости.

Естьли век сей должен славиться именем Суворова, кольми паче каждый сын Отечества должен гордиться быть согражданином его. К чувствам сим, общим всем россиянам, присоединяю я другое лестное сердцу моему воспоминание, что Ваша светлость благоволили к покойному родителю моему», – писал Иван Матвеевич.

Суворов отвечал: «Весьма приятно для меня письмо ваше, милостивый государь мой, потому что оно напоминает мне о родителе вашем, которого я всегда почитал, и доставляет мне случай засвидетельствовать сыну его, по следам его идущему, то же истинное почтение, с каковым всегда пребуду» [РГВИА. Ф. 43. Оп. 2. Д. 200. Л. 1–6; Суворов 1986, с. 354–375].

Иными словами, исполняя посольскую должность, Иван Муравьев был на хорошем счету и у непредсказуемого императора Павла, и у Суворова, которого Павел искренне не любил, и у враждовавших между собою Ростопчина и Панина.

Впрочем, дома, за закрытыми дверями посольской квартиры, Иван Матвеевич мог позволить себе либеральные выходки. Так, например, дразня «ярого роялиста» Матвея, он играл на фортепьяно «Марсельезу», революционный французский гимн, – чем доводил сына до слез [Муравьев-Апостол 1922, с. 19].

Павловское правление Ивану Матвеевичу не нравилось. В частности, его раздражали гатчинцы – офицеры расквартированных в Гатчине воинских частей, которыми командовал, будучи цесаревичем, Павел. Современники отзывались о них как о грубых, необразованных людях, «соре» русской армии: «Выгнанные из полков за дурное поведение, пьянство или трудность, эти люди находили убежище в гатчинских батальонах и там, добровольно обратясь в машины, без всякого неудовольствия переносили всякий день от наследника брань, а может быть, иногда и побои» [Вигель 2003а, с. 85]. После воцарения Павла гатчинцев ждал перевод в гвардию, офицеры получили деньги и имения и стали, по выражению Матвея Муравьева-Апостола, «опричниками» павловского царствования.

О том, что говорилось о гатчинцах в доме посланника, Матвей повествует красноречиво. Получив деньги и статус в военной иерархии, некоторые из них поехали в Италию, к армии, которой командовал Суворов. Путь их лежал через Гамбург. Матвей вспоминал, как «один из этих гатчинцев, откланиваясь государю пред своим отъездом» в Гамбург, получил от Павла «пятьдесят червонцев» и хотел вновь приехать к государю, чтобы «благодарить за оказанную щедрость». Когда же ему сказали, что этих денег не хватит, чтобы доехать до нового места службы, выяснилось, что гатчинец «принимал уездный город Ямбург за Гамбург».

Российскому посланнику «часто приходилось краснеть» за гатчинцев. В частности, один из них просил посланника, «чтобы он его представил гамбургскому королю; просил, чтоб дано было знать на съезжей, что крепостной человек его, которого он прибил, бежал, тогда батюшка сказал, что в Гамбурге нет съезжей». Иван Матвеевич был настолько возмущен гатчинцами, что по возвращении в Россию даже «рассказал председателю Иностранной коллегии графу Ростопчину» о некоторых их «проделках» [Муравьев-Апостол 1922, с. 21].

Разговор с Ростопчиным, если он на самом деле произошел, остался в тайне: летом 1800 г. 32-летний Иван Муравьев стал тайным советником; чин этот был равен генерал-лейтенанту в армии. Чину соответствовал и новый высокий пост: Павел назначил его вице-президентом Иностранной коллегии, и в конце сентября Иван Матвеевич отбыл из Гамбурга в Санкт-Петербург [АВПР МИД. Ф. 44. Оп. 4. Д. 331. Л. 109–109об.]. К моменту возвращения в Россию он был уже отцом шестерых детей: в семье появились еще две дочери, Анна и Елена.

Вскоре, в ноябре, жена вице-президента, Анна Семеновна, возвращаясь с сыном Матвеем из церкви, «на Литейной» встретила императора. Матери и сыну «пришлось, согласно с существовавшим тогда правилам, выйти для поклона из кареты, не смотря на сырость и грязь. По возвращении домой оказалось, что маленький Матвей потерял в грязи свой башмак» [Якушкин 1886, с. 153].

VI

Утром 12 марта 1801 г. «маленький Матвей» «после чаю» «подошел к окну и вдруг спрашивает у своей матери: – “Разве сегодня пасха?” – “Нет, что ты?” – “Да вон же солдаты на улице христосуются?” – Оказалось, солдаты поздравляли друг друга с воцарением Александра I» [Якушкин 1886, с. 153].

Иван Матвеевич тоже приветствовал восшествие на престол нового императора. После убийства Павла он писал российскому послу в Англии Семену Воронцову, что испытывает «избыток радости», повествовал о «благополучии, которым все теперь пользуются в России». Муравьев называл нового монарха «ангелом» и «обожаемым государем», одним из первых действий которого «было освобождение невинных жертв, которые целыми тысячами стонали в заточении, сами не зная, за что они лишены были свободы».

«Счастливые россияне с радостью и признательностью в сердце и со слезами на глазах восторженно повторяют всякое слово, исходящее из уст своего обожаемого государя», – резюмировал Иван Матвеевич [Два письма 1876, с. 126, 128]. У дипломата был повод для восторга: он «мог, казалось, рассчитывать на особое расположение императора во имя прежних отношений» [Якушкин 1886, с. 152].

Новый император, мечтавший о «вечном мире» в Европе, благоволил Муравьеву: в апреле 1801 г. он был послан в Вену с официальным сообщением о смене монархов на российском престоле. Муравьев вез письмо Александра австрийскому императору Францу: «Государь и брат мой!.. Мой тайный советник г-н Муравьев, которому я поручил вручить Вам этот личный знак моего искреннего расположения, сообщит Вам, насколько я желаю поддерживать с В[ашим] и[мператорским] в[еличеств]ом все дружеские и взаимовыгодные сношения и связи, существовавшие между нашими двумя империями... Все, что он скажет В[ашему] и[мператорскому] в[еличеств]у в этом отношении, явится выражением искреннейшей привязанности и высокого уважения, с которым я пребываю, государь и брат мой, В[ашего] и[мператорского] в[еличеств]а добрый брат, друг и союзник» [Внешняя политика 1960, с. 27].

Миссия оказалась успешной: в июле того же года в рескрипте на имя Ивана Матвеевича император отмечал, что он полностью удовлетворен донесениями из Вены, а деятельность курьера достойна «одобрения». По-видимому, Александр хотел сделать Ивана Матвеевича, уже Муравьева-Апостола, послом в Австрии, в рескрипте он утверждал, что «счел полезным» для службы оставить его в Вене «вплоть до... нового распоряжения» [Внешняя политика 1960, с. 57–58].

Но вместо Вены Иван Муравьев-Апостол получил назначение в Мадрид; пост посланника в Испании он занимал до апреля 1805 г. В Россию он вернулся один: его жена и дети остались за границей.

Матвей Муравьев-Апостол предложил в мемуарах версию, что причиной отставки отца был отказ от участия в заговоре против императора Павла I. Матвей рассказывал, что «когда составлялся заговор», отец «тоже получил было от кого-то из заговорщиков приглашение принять в нем участие и отказался; потом участники заговора сумели восстановить Александра I против Ивана Матвеевича, который позже никогда не пользовался его милостью» [Якушкин 1886, с. 152].

Современные исследователи склонны верить, что отставка посланника так или иначе связана с антипавловским заговором [Эйдельман 2001, с. 128–129; Трошина 2007, с. 24]. Но документов, напрямую свидетельствующих, что Иван Матвеевич был в курсе планов заговорщиков, соглашался или не соглашался с этими планами, исследователям найти не удалось. Кроме того, отставка Муравьева последовала спустя четыре года после смерти императора Павла.

VII

Но – вне зависимости от того, знал ли Муравьев-Апостол о заговоре или нет, – мнение о нем как о дипломате у Александра I и его окружения было невысоким. Император не назначил его в Вену, назначение же в Мадрид было явным понижением по сравнению с должностью вице-президента Иностранной коллегии.

В начале правления Александра I российско-испанские отношения были равными: по мнению императора, интересы России «никоим образом» не находились «в противоречии с интересами Испании» [Внешняя политика 1960, с. 214]. В октябре 1801 г. представители России и Испании подписали мирный договор, Александр I ратифицировал его в марте 1802 г., тогда же был заключен и мир с Францией. Были восстановлены прерванные прежде российско-испанские дипломатические отношения, после чего Иван Муравьев-Апостол и отправился в Мадрид во главе русской миссии.

Руководивший в тот момент внешней политикой граф Виктор Кочубей, доверенное лицо молодого императора, утверждал в письме к посланнику в Берлине барону Алексею Крюднеру, желавшему перевода на аналогичную должность в Мадрид, что этот пост «уже занят». И добавлял, что «даже если бы он был и свободен, мы слишком нуждаемся в Ваших талантах, чтобы похоронить их в стране, которая нам столь безразлична. К тому же император никогда не согласился бы заменить вас г-ном Муравьевым» [Внешняя политика 1960, с. 187].

Александр был, по-видимому, прав: судя по гамбургской службе Ивана Матвеевича, он был лишь прилежным исполнителем петербургских инструкций. Назначая Муравьева-Апостола в спокойный с дипломатической точки зрения Мадрид, Александр I с одной стороны отдавал должное «беспорочной службе» дипломата, с другой же – явно не хотел отправлять его ни в одну из тех стран, в которых решались судьбы Европы. На своем посту Ивану Матвеевичу удалось принести России большую пользу. По его совету в Россию приехал Августин Бетанкур. Служивший при Бетанкуре злоязычный Вигель утверждал, что, стараясь «подготовить» испанского инженера, Муравьев-Апостол желал «угодить государю» [Вигель 2003b, с. 790]. Бетанкур оказался одним из организаторов российской инженерной службы.

Впрочем, вскоре стало ясно, что «вечного мира» в Европе не получилось. В августе 1802 г. Бонапарт был избран пожизненным консулом, несколько месяцев спустя вновь обострились отношения между Францией и Англией. В марте 1804 г. по приказу Бонапарта был расстрелян герцог Энгиенский, принц крови, захваченный на территории Бадена. Александр отправил Бонапарту ноту протеста, в ответ на которую первый консул через Талейрана спросил Александра, что бы он сделал, «если бы в то время, когда Англия замышляла убийство Павла I, стало известно, что устроители заговора находятся в 4 км от границы, неужели бы не постарался схватить их»? [Троицкий 1994, с. 93]. Прозрачный намек на участие Александра в заговоре против отца оскорбил русского монарха. В мае 1804 г. первый консул Бонапарт стал императором Наполеоном I; в декабре прошла его коронация. Стало ясно, что войны не избежать.

Эти события сразу же отразились на Испании: на нее оказывали давление и Франция, и Англия. «Бонапарт, считавший Испанию своим безоговорочным союзником, полагал, что она во всем должна подчиняться его “наполеоновским планам”, даже если ради этого ей придется пойти на большие жертвы. Сама Испания мало интересовала Францию с военной точки зрения – первый консул требовал от мадридского двора денег и права распоряжаться испанскими портами». Англия же, со своей стороны, ждала от Мадрида нейтралитета, сторонником нейтралитета был и испанский генералиссимус Мануэль Годой, обладавший почти неограниченной властью в стране [История Испании 2014, с. 274]. Но в октябре 1804 г. английский флот

атаковал испанскую эскадру у берегов Португалии, в декабре того же года Испания объявила Англии войну.

Матвей Муравьев-Апостол утверждал, что его отцу «поручено было поддерживать мадридский кабинет против честолюбивых замыслов Наполеона». Но после событий ноября 1805 г., поражения русских войск под Аустерлицем, «между нашим кабинетом и французским шли переговоры о примирении; поэтому предстоящая перемена в отношениях наших к французскому двору повлекла за собою замещение нашего посланника в Испании» [Муравьев-Апостол 1922, с. 24–25]. Это утверждение неверно: Иван Матвеевич был смещен с должности задолго до Аустерлица.

Принципиальное решение об отзыве Муравьев-Апостола было принято в Петербурге еще в феврале 1805 г.: обстоятельства потребовали «направить в эту страну искусного посланника, который придаст бы другой оборот делам» [Внешняя политика 1961, с. 117–118].

Матвей писал, что Годой «вполне доверился русскому посланнику и в сношениях с Наполеоном держался политики, внушаемой ему представителем русского двора» [Муравьев-Апостол 1922, с. 25]. Если эти воспоминания точны, тогда причина отставки Ивана Матвеевича становится понятной: испанский генералиссимус был сторонником нейтралитета, а русскому царю этот нейтралитет был не нужен. Александр I считал, что эта страна «должна найти свое место среди держав, которые Россия пытается сейчас пробудить от апатии», и присоединиться к борьбе с наполеоновской Францией. Скорее всего, Иван Матвеевич просто не понял, что времена переговоров с Годоем прошли: в российской столице на испанского генералиссимуса уже смотрели как на врага, подозревали, что он «слепо предан французам то ли из страха перед ними, то ли из честолюбия, то ли, наконец, из симпатии к ним». Александр I желал не поддержания отношений с Годоем, а его «устранения» от власти [Внешняя политика 1961, с. 437].

Решение об отставке Ивану Матвеевичу было объявлено не сразу: как утверждал товарищ министра иностранных дел князь Адам Чарторижский, нового посланника было найти крайне сложно. «В числе кандидатов» на этот пост фигурировал барон Григорий Строганов, который, по словам Чарторижского, не имел опыта в делах, зато обладал «обходительностью, проницательностью, тактом, а также большим усердием» [Внешняя политика 1961, с. 117–118].

Матвей Муравьев-Апостол вспоминал, что его отец, «воротившись в Петербург, явился ко двору, где нисколько не чаемое холодное обращение с ним императора Александра I убедило его в утрате царской милости, – утрате, оставшейся и впоследствии необъяснимой для него». 17 апреля 1805 г. Иван Матвеевич оставил дипломатический пост [Муравьев-Апостол 1922, с. 26; Трошина 2007, с. 26].

О причинах его дипломатического фиаско современники догадывались. Тот же Вяземский в ноэле «Спасителя рождением...» от лица Ивана Матвеевича констатировал, что сведения о его «уме» подтверждаются «Письмами из Москвы в Нижний Новгород», но опровергаются службой в Испании:

*... могу на Нижний смело
Сослаться об уме своем.
В Гишпанье, не таюсь грехом,
Совсем другое дело!*

[Вяземский 1986, с. 70].

На место Муравьева-Апостола действительно был назначен барон Строганов. К оправданию Ивана Матвеевича следует отметить, что и новый посланник с поставленной задачей не справился – и справиться с нею, остановив завоевательную политику Наполеона, было невозможно в принципе. Геополитическая карта Европы вновь существенно изменилась.

VIII

В начале 1810-х годов известный литератор и министр юстиции Иван Дмитриев сделал попытку вернуть Иван Матвеевича в государственную службу. Александр Пушкин, ссылаясь на рассказ Дмитриева, писал, что министр предложил Александру I «Муравьева в сенаторы». Император «отказал начисто и, помолчав, объяснил на то причину»: Муравьев состоял в заговоре против Павла I. Более того, по просьбе графа Петра Палена, военного губернатора Санкт-Петербурга, руководителя заговора, Иван Матвеевич якобы писал конституционный проект, впоследствии же «хвастался», «что он будто бы не иначе соглашался на революцию, как с тем, чтоб наследник подписал хартию». «Вздор», – такими словами завершался рассказ Дмитриева в пересказе Пушкина [Пушкин 1949, с. 161].

Рассуждая об этой «отчасти таинственной» записи, Эйдельман отмечал что слово «вздор» «скорее всего, принадлежит Дмитриеву». «“Вздор”, – говорит Дмитриев и, вероятно, соглашается Пушкин. Дмитриев и Пушкин знают, что царь говорит вздор». Пытаясь объяснить это эмоциональное высказывание, Эйдельман утверждает, что оно связано с неверным представлением императора о распределении ролей среди заговорщиков [Эйдельман 2001, с. 127].

Но в данном случае более правдоподобным кажется другое объяснение: слово «вздор» относится к смыслу слов, якобы произнесенных Иваном Матвеевичем; о том, что они не соответствуют действительности, знали и Пушкин, и Дмитриев. Муравьев-Апостол в написании каких бы то ни было конституций не был замечен ни в 1801 г., ни позже; кроме того, по словам его сына Матвея, от участия в заговоре против Павла он вообще отказался.

Вполне возможно, что ничего подобного Иван Матвеевич в принципе не говорил, он просто был оклеветан светскими завистниками: впоследствии он жаловался Гавриле Державину, что «гнусная клевета отравила полдень» его жизни [Державин 1871, с. 298]. Но можно допустить, что сплетня была не вовсе беспочвенной, а «хвастовство» действительно имело место: оно было рассчитано на то, чтобы обеспечить отставному дипломату участие в политической жизни. Александр I всходил на престол, мечтая о конституционном преобразовании России, о необходимости конституционной реформы говорилось на заседаниях Негласного комитета – неформального консультативного органа, составленного из «молодых друзей» императора. Конституционный проект – по приказу императора – разрабатывал и молодой реформатор Михаил Сперанский.

Но вне зависимости от того, «хвастался» ли Иван Матвеевич или нет, эта информация, доведенная до сведения императора, только продлила императорское недовольство: Александр не терпел, когда ему напоминали об убийстве отца. Ходатайство Дмитриева о назначении Муравьева-Апостола в Сенат было отвергнуто.

Отставка Ивана Матвеевича продолжалась долго, целых 19 лет. Только в марте 1824 г. он стал сенатором, а в августе того же года – членом Главного правления училищ [Трошина 2007, с. 30]. Созданное еще в 1803 г., оно занималось формированием государственной политики в области образования.

IX

Согласно мнению исследователей, на новых должностях Иван Муравьев-Апостол «проявил себя как независимый и умный полемист, боровшийся против рутины и косности» [Трошина 2007, с. 125]. Эта характеристика верна лишь отчасти. Став сенатором в 57 лет, Иван Матвеевич – европейски образованный человек, известный писатель, бывший дипломат – не был сторонником насаждавшегося в России середины 1820-х годов обскурантизма. Но его борьба «против рутины и косности» была очень осторожной: мнения свои он выражал, согла-

суясь с раскладом политических сил, успешно лавируя между разными политическими группами.

Сохранилось несколько служебных записок, которые Иван Матвеевич подавал по должности.

Одна из них касалась обсуждавшегося в Главном правлении училищ вопроса, следует ли запретить университетским профессорам в обход обычной цензуры получать иностранные книги; право это профессорам было дано императорскими указами. Обсуждение возникло на мрачном общественно-политическом фоне: в это же время Главное правление обсуждало новый цензурный устав. «Цель нового устава заключалась... в противодействии пагубному духу времени, выразившемуся в политических потрясениях Европы, обнаруживших сильное влияние и на общественное мнение, и на литературу» [Сухомлинов 1889, с. 462].

Александр I не успел подписать новый устав. Выработанные Главным правлением положения легли в основу аналогичного документа, подписанного в 1826 г. уже Николаем I; устав 1826 г. получил название «чугунный».

При обсуждении вопроса о профессорах и книгах Иван Матвеевич проявил либерализм: заявил, что этим запрещением проблема распространения в России «худых» иностранных книг все равно решена не будет. Запрет только оскорбит профессоров: «Сколько оскорбительно должно быть для них подозрение, скрывающиеся в мере предосторожности, явно противу их предпринимаемой, об этом нечего и говорить. Но я прибавить к тому должен, что после этого ни один профессор не останется у нас, да и не может остаться».

Кроме того, по словам Ивана Матвеевича, книги нужны профессорам для работы, профессор «должен беспрестанно следовать за успехами науки своей, взором обнимая весь ход ее. Ему непременно нужно знать о вновь открытых истинах, даже о новых заблуждениях ума, и в этом одном отношении гражданин мира, ему не может быть чуждо ничего, касающиеся до цели жизни его, ни в Калькутте, ни в Филадельфии» [Сухомлинов 1889, с. 485, 486].

Но запрету выписывать книги воспротивился не только Иван Матвеевич.

Так, эмигрировавший из революционной Франции и явно не сочувствующий либералам граф Иван Лаваль, тесть декабриста Сергея Трубецкого, тоже предложил доверять профессорам: «Полагаясь на благоразумие профессоров наших в воспитании юности, не будет ли противоречия в сей доверенности, если мы их поставим наравне с учениками в выборе книг для чтения?» Резко против высказался и попечитель Дерптского учебного округа граф Карл Ливен: «Не позволять ученому пользоваться книгами по своей специальности потому только, что между ними есть опасные или кажущиеся опасными, значило бы то же, что запретить плотнику или столяру употребление топора, потому что им можно разрубить голову другому» [Сухомлинов 1889, с. 483, 481].

Выступая против «запретительной» меры, Иван Матвеевич ничем не рисковал: он был не один, за него были императорские указы, в итоге Главное управление училищ запрета не поддержало. Но об «особом» мнении Ивана Матвеевича по главному вопросу – вопросу о новом цензурном уставе – исследователи ничего не знают. По-видимому, устав он поддержал.

Еще одна дошедшая до нас служебная записка Ивана Матвеевича называлась «О преподавании философии». Она связана с инициативой известного обскуранта Михаила Магницкого, попечителя Казанского учебного округа, запретить в России преподавание философии. По мнению Магницкого, философия, под которой понимался весь комплекс социальных и политических наук, противоречит Священному Писанию и ведет к возникновению вольнодумства. В 1823 г. он направил министру духовных дел и народного просвещения князю Александру Голицыну две записки соответствующего содержания. «Нет никакого способа преподавать философию не только согласно с учением веры, ниже безвредно для него», «я по совести почитаю долгом испрашивать, чтобы у нас повсеместно прекращено было преподавание философии как умозрительной, так нравственной и гибельной отрасли сей последней – права естествен-

ного», «дело состоит в том: как поставить предел преподаванию наук философских, политических и исторических», – писал Магницкий Голицыну [Емельянов 2014, с. 269, 270].

Записки Магницкого рассматривались уже при новом министре, Александре Шишкове. От каждого из членов Главного правления училищ требовалось письменное заключение. Иван Матвеевич написал, что «злоупотребление философией не доказывает, чтобы употребление оной было бесполезно: напротив того, здравая философия есть надежный оплот против нападений лжемудрия». Его «мнение» состояло в том, что следует «наблюдать над образом преподавания философских наук, а не останавливать их, наблюдение наше должно быть отеческое, а не полицейское, ибо сие последнее в науках никогда ничего доброго не производило». Но при этом Иван Матвеевич проявил осторожность: «Желал бы я, чтобы философия преподавалась у нас не на русском, а на латинском языке», – писал он [Муравьев-Апостол 2002, с. 183, 186, 187].

Мнение Ивана Матвеевича оказалось не самым радикальным. Так, попечитель Харьковского учебного округа Алексей Перовский заявлял, что в случае если философия будет изгнана из университетов, «грубое невежество заступит у нас место просвещению». Предложение Магницкого он уподоблял желанию отделить Россию от остального мира «китайскою стеною», ввести в ней «испанскую инквизицию 16 столетия». А мореплаватель Иван Крузенштерн и вовсе утверждал, что «учение философии есть не что иное, как благотворное руководство к должному употреблению данного нам от Бога разума». Предложение Магницкого Крузенштерн назвал «несообразным» цели воспитания юношества, мореплаватель заявлял, что оно «принято быть не может» [Емельянов 2014, с. 273–274].

Главное правление училищ сочло, что «курс философских наук» «необходим в наших высших учебных заведениях», преподавание этого курса следует только «очистить» «от нелепостей новейших философов». Курс философии, по мнению правления, следовало построить «на истинах христианского учения», сообразно «с правилами монархического правления». Идея же преподавать философию на латыни принята не была [Емельянов 2014, с. 280].

Пожалуй, самым громким делом, в обсуждении которого Иван Муравьев-Апостол принял участие, было «дело Госнера». Книга католического проповедника Иоганна Евангелисты Госнера «Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете. Евангелие от Матфея» стала в мае 1824 г. поводом для отставки министра Голицына. Отставка эта была следствием сложных интриг, инициированных врагом Голицына при дворе графом Аракчеевым и Санкт-Петербургским митрополитом Серафимом. Антиголицынскую интригу поддержал и обскурант Магницкий.

Книга Госнера была переведена на русский язык и – с одобрения светской цензуры, находившейся в ведении Голицына, – печаталась в типографии Николая Греча. Но она так и не вышла в свет и рукопись ее не сохранилась; от нее осталось лишь несколько фрагментов. Судя по ним, в основе религиозных воззрений пастора лежала вполне традиционная для мистиков «идея о том, что человек при жизни может соединиться с Иисусом Христом». Госнер утверждал: «Истинно говорю вам, все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне. Точно так будет со всеми наружными церквами и великолепными храмами, со всяким богослужением и со всеми пышными обрядами, отвергающими Христа живого и соделывающими его ненужным», «тогда откроется истинная православная католическая церковь, которая соберет всех народов, языков и стран небесных. Тогда видно будет, кто к ней принадлежит».

«Ясных рецептов к спасению души Госнер не предлагал, но указывал, что этому не помогут механическое хождение в церковь, телесное исполнение церковных обрядов, наружное богопочитание, длинные устные молитвы», «он прямо заявлял, что христианин, не сделавшийся “чадом Божиим”, стал слугой сатаны» [Кондаков 2005, с. 270–271, 280].

В результате интриги книга попала в руки Александра I и была признана вредной и для православия, и для государственной власти (см. об этом ниже). Место Голицына занял Александр Шишков, сторонник Аракчеева. Госнера выслали из России. Под суд попали и Греч, и пропустивший книгу цензор Александр Бируков, и начальник департамента народного просвещения в министерстве Голицына Василий Попов, «поправлявший» перевод книги Госнера. При этом дело Попова рассматривал Сенат – высшая судебная инстанция России. Сенаторы были склонны признать вину Попова, Иван Матвеевич, напротив, заявлял о его невиновности – и мнение выразил письменно.

В Попове Муравьев-Апостол не увидел «умышленного преступника», поскольку цензура книга прошла до того, как чиновник взялся «поправлять» ее слог, от оригинала его правка не отступала, а закона или даже предписания, «возбращающего директорам народного просвещения» редактировать книги, не существовало [Муравьев-Апостол 2002, с. 176–180].

Иван Матвеевич совершил смелый поступок: его мнение резко отличалось от мнения и всесильного Аракчеева, и Шишкова. Шишков в письме к Аракчееву обвинял Муравьева-Апостола в распространение «духа», «которым надеются потрясти и разрушить всякую связь обществ и всякую власть и законы», видел в словах сенатора «попрание» «не токмо законов», но и «здорового рассудка» [Шишков 1870а, с. 241].

Министр опровергал Ивана Матвеевича не только в письмах, но и в Сенате, и на заседаниях Государственного совета. Но осудить Попова не удалось: в итоге и он, и Бируков, и Греч были оправданы.

И в данном случае Муравьев-Апостол снова рассчитал все правильно: Голицын лишился министерского поста, однако не потерял доверие императора. Александр I доверял Аракчееву, но был далек от того, чтобы во всем поддерживать Шишкова. Новый министр «приходил в отчаяние, видя, что государь не принимает никаких мер к спасению тронов и алтарей и к преследованию книг и книжонок, на которые обращались громы его мрачных докладов» [Никитенко 1955, с. 554].

Александр I, согласно мемуарам Греча, «дал знать Муравьеву под рукой, чтоб он в такое-то утро был в такой-то аллее Каменного острова, где Александр Павлович часто прогуливался. <...> В назначенное утро (это было в августе 1825 года) он встретился, будто невзначай, с Муравьевым, сел с ним на скамью, стал говорить о Сенате и спросил, какие важные дела производились у них недавно. Муравьев исчислил их и в том числе назвал дело Попова. Император пожелал узнать подробности, и Муравьев рассказал все откровенно, смело и справедливо. Александр поблагодарил его, но не изъясил своего мнения. Вскоре потом уехал он в Таганрог, где судьба положила предел дням его» [Греч 1886, с. 321–322].

По воспоминаниям же цензора Александра Никитенко, после того как Шишков рассказал императору о мнении Ивана Матвеевича, «государь выслушал его благосклонно, а между тем тайком позвал к себе Муравьева и благодарил за защиту Попова» [Никитенко 2005, с. 77].

Подавая мнение о невиновности Попова, Иван Матвеевич оставлял себе путь к отступлению – на тот случай, если обстоятельства сложатся не так, как ему бы хотелось. Рассуждая о Попове, он не ставил под сомнение «зловредность» книги Госнера. Попов же, «директор департамента народного просвещения, занимавшийся поправлением такого рода книги, чрез одно уже обличает себя человеком, совершенно неспособным к тому месту, которое он занимал», – утверждал сенатор [Муравьев-Апостол 2002, с. 180].

«Либеральные» выступления Муравьева-Апостола в Сенате и Главном правлении училищ породили в конце 1825 г. слух, что Иван Матвеевич перед 14 декабря обещал столичным заговорщикам поддержку [Бестужев 1926, с. 61, 68]. Слух этот дошел и до нового императора. Еще до получения известия о восстании Черниговского полка новый император, Николай I, писал брату Константину, что на сенатора Муравьева-Апостола «падает подозрение» [Междоусобица 1926, с. 169]. Но подозрение это не подтвердилось. Такого обещания не могло быть

в принципе: выступать против императорской власти – по крайней мере до того, как заговорщики одержали бы полную победу, – Иван Матвеевич никогда бы не рискнул.

И не случись катастрофы 1825–1826 гг., уделом Ивана Муравьева-Апостола была бы жизнь опытного и осторожного сенатора, который мог, конечно, спорить и не соглашаться с себе подобными, но во всех служебных делах ориентировался на высшее начальство.

Х

Особая тема, всегда волновавшая исследователей, – взаимоотношения отца с сыновьями-декабристами. Большинство тех, кто изучал эти взаимоотношения, констатировали: хотя Иван Матвеевич был обладателем «крутого, деспотического» характера и «эпикурейского равнодушия», он «по-своему любил детей и переживал за них», имел на них «большое влияние» [Медведская 1970, с. 8, 11; Эйдельман 1975, с. 320–321; Трошина 2007, с. 154].

Многочисленные сохранившиеся письма Муравьевых-Апостолов действительно рисуют образ вполне благополучной дворянской семьи. В этой семье сыновья нисколько не сердились на отца за то, что он не занимался их воспитанием и рано отдал в службу, они любили и уважали его, советовались с ним, сверяли с его мнением буквально каждый шаг собственной жизни. Отец же вникал в их проблемы, помогал советами, как мог заботился о них.

Слушая «итоги» «размышлений и опыта» Ивана Матвеевича, Сергей находил в такого рода разговорах «удовольствие» [«Ваш покорный сын» 2022, с. 245]. Сын и сам подробно рассказывал о себе, своем образе жизни, служебных занятиях, душевном состоянии, характеризовал друзей и знакомых, благодарил за присылку нужных в хозяйстве вещей, обсуждал книги, журналы, Семеновскую историю и внешнеполитические события.

Поскольку русский язык не был для Сергея, выросшего в Париже, родным, он специально писал отцу длинные русские письма и просил «произнести приговор», удастся ли ему писать «сносно по-русски». Иногда отец критиковал сына. Сергей переживал: «Вы известил меня, любезный папенька, что письмо мое нескладно и писано так, что вы с трудом разбираете».

«Я чувствую сам, как я далек еще от того, чтобы писать хорошо, но вы представить себе не можете, как унижает меня мысль, что я не умею владеть моим отечественным языком и, может быть, никогда уметь не буду. Это меня убивает. Я дорого бы дал, чтобы совершенно забыть французское <произношение>», – писал сын отцу. Получив похвалу, в другом письме он сообщал, что «снисходительный приговор» отца «поощряет» его «к вящему старанию» [«Ваш покорный сын» 2022, с. 151, 156, 175].

Иногда отношения отца с сыновьями были весьма сентиментальны. Например, провожая Сергея к месту службы, Иван Матвеевич дал ему некий «портфель», в котором обнаружили две трогательные «надписи»: на греческом и на латыни. Латинскую надпись сын понял «и нашел ее весьма красивой». Отцу Сергей писал, что «посчитал бы себя счастливым», если бы когда-нибудь «подобная эпитафия сделала честь» его «праху». «Что касается греческой, я настолько невежественен, что я ничего не понял, кроме имени “Сергей” в начале фразы, и это имя меня заинтриговало, если вы помните эту надпись, дайте мне ключ от нее, любезный папенька, потому что я буду рад узнать, что она значит», – просил сын отца. В портфеле обнаружилась и чистая почтовая бумага – и Сергей был рад подарку, потому что, по его собственным словам, она предоставит ему возможность письменно благодарить отца [«Ваш покорный сын» 2022, с. 61].

Периодически в семье Муравьевых-Апостолов, как и во всякой семье, возникало недопонимание, но всякий раз оно разрешалось миром. Иван Матвеевич еще до войны весьма прохладно относился к старшему сыну. Матвей, по свидетельству современников, «имел неудовольствие от своего отца, который не умел ценить» его «счастливого нрава». Впоследствии, когда отец женился вторично, Матвей плохо скрывал нелюбовь к мачехе, относился к ней «с

холодной вежливостью», чем еще больше раздражал отца [Муравьев 1885, с. 11, 26; Энгельгардт 1926, с. 109].

Но, судя по семейной переписке, Сергей мирил его с Матвеем, заступался за брата перед отцом: «Что же касается до... того, что вы называете гневом брата, то вы меня извините, любезный папенька, но я этому верить не могу. Брат во многом может быть пред вами виноватым; но я слишком хорошо знаю его сердце, слишком знаю, сколько он вас любит и вам предан, чтобы я мог подумать, что он на вас гневается. Не мне его пред вами оправдывать, но я представляю вам это как истину, мне известную».

Трения старшего брата с отцом составляли «несчастье» существования Сергея Муравьева-Апостола, делали его «уязвимым» перед внешними обстоятельствами. Сергей сетовал, что ему приходилось находиться между отцом, которым он «всегда дорожил и которого уважал», и братом, доказывал отцу, что Матвей его очень любит – просто ему не представился случай доказать свою любовь [«Ваш покорный сын» 2022, с. 174, 202–203].

И Матвей, и Сергей были зависимы от отца финансово, спустя много лет Матвей вспоминал, что отец держал их с Сергеем «в черном теле». Сергей вынужден был даже взять «в заем» из общественных денег Союза благоденствия «три с чем-то тысячи рублей», занимал деньги и у родственников [Муравьев-Апостол 1886b, с. 226; Трубецкой 1925, с. 42; Письма 1926, с. 122].

«Совершенное безденежье» «принуждало» Сергея постоянно просить отца о «подкреплении», в его письмах финансовый вопрос – один из весьма болезненных. Даже случайные люди были в курсе, что отец Сергея «ему ничего не дает» и сын-офицер «даже мало имеет на пропитание» [«Ваш покорный сын» 2022, с. 174; Семичев 2001, с. 119]. Матвей же в 1823–1824 гг. жил в столице на отцовские деньги и уехал оттуда, «не хотя умножить расходы батюшки, которого дела очень расстроены» [Муравьев-Апостол 1950, с. 261].

Но и финансовый вопрос не привел сыновей к разрыву с отцом. Публикатор семейной переписки Б. А. Энгельгардт утверждал, что «благодаря своему уму и прекрасному сердцу» Сергей Муравьев «имел влияние не только на братьев и сестер, но и на отца и улаживал всегда раздоры в семье» [Энгельгардт 1926, с. 110]. В итоге и финансовые противоречия разрешались миром.

Но семейная идиллия, выраженная прежде всего в письмах, оказалась иллюзорной. Несмотря на интенсивную переписку, Ивана Матвеевича интересовала лишь внешняя стороны жизни его сыновей – и другом им он не был. Даже о том, что Сергей усыновил двоих детей, он узнал только в январе 1826 г. Сын сообщил ему эту новость, уже находясь в тюрьме [Муравьев-Апостол 1887, с. 51].

В 1814 г. Иван Матвеевич писал Гавриле Державину, что хочет «вырастить» «детей, достойных быть русскими, достойных умереть за Россию» [Державин 1871, с. 298]. Мимо этой фразы не могли пройти исследователи, писавшие об Иване Муравьеве-Апостоле.

Высказывание это поражает своей неискренностью: Матвей и Сергей к этому времени давно воевали с французами; Матвей за год до написания письма был тяжело ранен под Кульмом. Конечно, они уже не нуждались в «выращивании» и сами были готовы «умереть за Россию». Третий сын, Ипполит, тогда девятилетний, в «выращивании» как раз нуждался – но отец предпочел устраниваться от его воспитания. Четвертый сын, Василий, рожденный во втором браке, появился у Ивана Матвеевича через три года после написания письма.

Константин Батюшков в начале 1810-х годов считал Ивана Матвеевича «любезнейшим из людей», человеком, «который имеет блестящий ум и сердце, способное чувствовать все изящное», в середине 1810-х годов называл его «любимцем муз». Однако к концу десятилетия, проведя много времени в личных беседах со старшим Муравьевым-Апостолом, Батюшков изменил мнение: Николаю Гнедичу он сообщал, что Иван Матвеевич не был искренним,

«преклонял» голову «под ярмо общественных мнений» и «часто заблуждался от пресыщения умственного» [Батюшков 1989а, с. 27, 419].

Главным «заблуждением» сенатора оказались именно его сыновья. Матвей и Сергей почти 10 лет состояли в антиправительственном заговоре, незадолго до трагедии 1825–1826 гг. к ним присоединился Ипполит. Сергей, рассказывавший Ивану Матвеевичу о том, сколь важны ему отцовские назидательные беседы, руководил заговором, возглавил военный мятеж и был казнен. Между «любезным папенькой» и детьми существовала мировоззренческая пропасть, которую наслаждавшийся жизнью сенатор просто не заметил.

Иван Муравьев-Апостол был либералом – но постольку, поскольку либерализм был в моде, поддерживался «общественными мнениями» и не мешал его собственному благополучию. От радикальных реформаторских идей, а тем более от идеи революции он был бесконечно далек. Сенатор утверждал, что в России «не было революции и не будет ее, потому что народ наш одарен лучшею философиею – здравым смыслом, который беспрестанно твердит ему, что он под отеческим правлением благоденствует и что от добра добра не ищут». «А если бы и случилось немного воспаленных мозгов, то что они значат? они одиноки, они отверженные, они ни одной точки соединения с целым обществом не имеют; да такое заблуждение их не есть, так сказать, домашнее: оно ввезено, как моды, и так же преходяще, как они», – развивал свою мысль Иван Матвеевич [Муравьев-Апостол 2002, с. 185].

Сын же его Сергей вовсе не считал российских революционеров, в том числе себя и братьев, одинокими и отверженными и не собирался жить по пословице «от добра добра не ищут». По его мнению, источниками «революционных мнений в России» были «трехлетняя война, освободившая Европу от ига наполеонова», «введение представительного правления в некоторые государства; сочинения политические, беспрестанно являющиеся в сию эпоху и читаемые с жадностию молодежью; дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств». Убеждение Сергея Муравьева-Апостола заключалось в том, что распространение революционных мыслей «следовало обыкновенному и естественному порядку вещей» [Муравьев-Апостол 1927, с. 273].

В июле 1823 г. Иван Матвеевич заподозрил неладное, почувствовал, что Сергей что-то от него скрывает. Но отца, по-видимому, удовлетворили объяснения сына, что с ним не произошло «ничего неприятного», что следовало бы скрывать. «Будьте совершенно уверены, – писал сын отцу в июле 1823 г., – что... первым, от кого вы бы узнали всю правду задолго до того, как она дошла бы до вас другими путями, был бы я сам. Ведь помимо удовольствия изливать душу на вашей груди, любезный папенька, где еще я мог бы найти столь полезные советы, как те, что мне подсказывают ваш ум и ваше знание людей, и разве мог бы я испытывать недоверие к вам, который всегда принимал со снисхождением даже признания в моих ошибках?» [«Ваш покорный сын» 2022, с. 237].

В ноябре 1824 г. Матвей Муравьев-Апостол, охладевший к тайному обществу, сообщал Сергею, что отец, получивший от одного из родственников предостережение относительно существования заговора, запретил ему ездить к брату [Муравьев-Апостол 1950, 210]. Изучая это письмо, исследователи настаивали, что Иван Матвеевич о заговоре знал и «с тревогой следил» за сыновьями, «предостерегал об опасности, боясь арестов и репрессий» [Медведская 1970, с. 11; Эйдельман 1975, с. 194]. Но Матвей, комментируя письмо на следствии, утверждал, что вся история с отцовским предупреждением была им выдумана, чтобы предостеречь брата, а «батюшка» ничего подобного не говорил [Муравьев-Апостол 1950, с. 241–242].

Матвею в данном случае можно верить: никаких других документов, свидетельствующих, что «либеральствующий аристократ» до 1826 г. был осведомлен о двойной жизни сыновей, не существует. Между тем, по словам Александра Пушкина, «о заговоре кричали по всем переулкам», не знали о нем только «полиция и правительство» [Пушкин 1928, с. 3]. Впоследствии же выяснилось, что и правительство, и полиция о заговоре тоже знали. Иван Матвее-

вич, сенатор, постоянно вращавшийся в свете, лично знакомый со многими деятелями тайных обществ и их семьями, не знать о заговоре мог только в том случае, если не хотел о нем знать.

После приговора сенатор искал – и нашел – виновного в гибели детей. Им оказался племянник Никита, сын Михаила Муравьева. До конца 1825 г. отношения между Никитой и «дядюшкой» были вполне родственными: например, в сентябре 1820 г. они вместе отдыхали в Одессе, путешествовали из Одессы в Крым [Муравьев 2000, 143–146]. Мать Никиты, Екатерина Федоровна, воспитала Ипполита Муравьева-Апостола, постоянно принимала у себя братьев и сестер Ипполита, у нее на руках умерла первая жена сенатора.

Никита действительно был первым, рассказавшим Сергею об идее создания тайной политической организации [Муравьев-Апостол 1927, с. 256]. Однако со стороны Сергея негативной реакции на этот рассказ не последовало. Оба они в итоге стали основателями первого декабристского союза, а впоследствии – на разных этапах – лидерами тайных обществ.

Но в конце 1826 г. Иван Матвеевич сумел довести до сведения приговоренного к длительному каторжному сроку племянника свое негодование. Никита с горечью писал жене, что «дядюшка», который прежде относился к нему «очень дружелюбно», теперь, «должно быть», настроен против него. Оправдываясь, он объяснял: мысль о создании тайного общества «пришла к нам одновременно, и ни один из нас не увлек другого» [Муравьев 2000, 243]. Никита говорил правду: кузены близко дружили, но в делах заговора Сергей Муравьев-Апостол всегда был самостоятелен.

Иван Матвеевич ничего не сделал для того, чтобы катастрофы, случившейся в его семье, не произошло. Эгоизм ослепил его: во второй, главной, конспиративной жизни сыновей для отца места не было – и Никита Муравьев был тут совершенно ни при чем.

XI

Этически наиболее сложный для исследователя вопрос – вопрос о том, как поколение отцов декабристов – и, в частности, сенатор Муравьев-Апостол – пережило события конца 1825 – начала 1826 гг. Чисто человеческое отношение отцов к попавшим в беду сыновьям было разным.

Например, престарелый отец Михаила Бестужева-Рюмина – по-своему любивший сына, дававший ему и деньги, и житейские советы – узнав о казни, понять заговорщика не сумел. Он высказался лаконично: «Собаке собачья смерть» [Бестужев-Рюмин 1928, с. 208].

По-иному повели себя родители Павла Пестеля. После того как Пестель попал в тюрьму, выяснилось, что он – главный, не достойный пощады преступник. И это обстоятельство стало страшным горем для его семьи. «Ах, Поль, мой сын, мой милый сын, пусть люди будут вашими судьями, я не могу, я хочу быть только вашей матерью! – и я остаюсь ею в моей нежности, я остаюсь ею в моем горе», – писала ему мать, Елизавета Ивановна [Соколова 2020, с. 124].

В феврале 1826 г. Иван Борисович Пестель, отставной сибирский генерал-губернатор, отправился в Петербург. И не будет большой натяжкой предположить, что приехал он для того, чтобы – используя старые связи – постараться облегчить участь сына. Но помочь ему бывший всесильный вельможа ничем не смог.

Елизавета Ивановна, узнав о казни, тяжело заболела, и до конца от болезни не оправилась вплоть до смерти. Отец демонстративно повесил в своем кабинете два портрета погибшего сына. 24 июня, день рождения Павла, стал для семьи днем траура [Ремизов 1925, с. 15–17; Бумаги 1875b, с. 407].

Однако Пестель-старший на момент событий 1825–1826 гг. давно был в отставке и жил в глухой деревне под Смоленском, Иван Муравьев-Апостол же жил в Петербурге и заседал в Сенате. Поступок детей сломал его столь тщательно выстроенную карьеру, из «любимца счастья» он в одночасье превратился в изгоя. Николай I родственников заговорщиков не пресле-

довал. Но дети Ивана Матвеевича, как и Павел Пестель, оказались среди главных, наиболее опасных для власти преступников, и по-прежнему жить в России, а тем более и «присутствовать» – как будто ничего не случилось – в Сенате Иван Матвеевич не смог.

Эйдельман предполагал, что сенатору было «дано повеление» уехать: «Он слишком крупная персона, слишком замешаны его дети; ясно, что Сенат будет участвовать в решении дела – и как быть с сенатором Муравьевым-Апостолом? Мешает, опасен; сам по себе он – живой протест, даже если не протестует» [Эйдельман 1975, с. 327–328]. В мае 1826 г. Иван Матвеевич был «уволен по болезни в чужие края» и уехал из России вместе с женой и младшими детьми [Трошина 2007, с. 30, 176]. О приговоре Матвею и Сергею он узнал уже за границей.

Немецкий историк Иоганн Генрих Шницлер в конце 1840-х годов писал, что сенатор был буквально «убит» «катастрофой с его сыновьями». «Увы, он еще жив!» – восклицал Шницлер и добавлял, что, уехав из России, отец находился «далеко от отечества, где не дозволено ему было бы чтить память сыновей своих, подпавших мечу законов!» [Русские достопамятные люди 1892, с. 460; Schnitzler 1847, p. 17–18, 34–35].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.